

A romantic painting of a couple in a garden. The woman is wearing a pink, off-the-shoulder, corset-style dress with puffed sleeves and a full skirt, holding a bouquet of pink roses. The man is wearing a dark blue tuxedo with a white shirt and bow tie. They are standing in a garden with many pink roses and green foliage. The man is leaning in to kiss the woman's forehead, and she is looking down at the roses in her hands. The background is a soft-focus garden scene with a path and more flowers.

Ольга Росса

БЫВШАЯ ЖЕНА
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

Ольга Росса

Бывшая жена князя Воронцова

<https://litres.ru/74491304>

Аннотация

Я узнала, что беременна, но моя жизнь внезапно оборвалась. Ангел перенёс мою душу в прошлое, в тело княгини Воронцовой, с которой только что развёлся муж, обвинив её в измене. Князь верит, что ребёнок, которого носит под сердцем его жена, от любовника. Бог с ним, главное для меня — родить и вырастить сына. В то же время мне не даёт покоя, что маленькая дочка княгини осталась с отцом и постоянно мне снится. Но чтобы суд отдал мне девочку, придётся доказать свою финансовую состоятельность. Открою модное ателье, и в клиентах у меня будет весь высший свет. Я обзаведусь связями и сделаю всё, чтобы Анечка осталась со мной. Главное — не позволять князю прикасаться ко мне, так сказал ангел.

В истории будут: ♥#попаданка в XIX век ♥# альтернативная Российская империя ♥# сильная героиня с необычным даром ♥# властный герой, но не абыюзер ♥# счастливый финал Книги цикла "Попаданки в прошлое" можно читать в любом порядке, истории сюжетами и героями не связаны. Смотрите буктрейлер и визуалы в блоге

Книгу в мягкой обложке можно купить на маркетплейсах Озон и Вайлдбериз

Книга полностью написана и отредактирована ЧЕЛОВЕКОМ.
АВТОР против использования нейросетей в писательском
творчестве.

Содержание

Глава 1. (Не)везучая	5
Глава 2. Проводник	13
Визуал героини	18
Глава 3. Духовный суд	23
Визуал героя	27
Глава 4. Больница	30
Визуалы	38
Глава 5. Развод	42
Глава 6. Новая жизнь	50
Глава 7. Отчий дом	60
Глава 8. Маркиза	67
Глава 9. Долгий разговор	73
Глава 10. Нужные находки	80
Глава 11. Первая ночь	88
Глава 12. Поход на рынок	92
Глава 13. Новый работник	99
Глава 14. Хлопоты	104
Глава 15. Ресторан «Ярь»	111
Глава 16. Подарок	120
Глава 17. Работа кипит	126
Арты для главы 17.	134
Глава 18. Попытка	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Глава 1. (Не)везучая

Книга является объектом авторского права. Запрещено копировать, распространять, публично показывать, а также любое использование без предварительного письменного согласия правообладателя (автора).

Ольга Росса

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ! ОДНОТОМНИК

Аннотация

Я узнала, что беременна, но моя жизнь внезапно оборвалась. Ангел перенёс мою душу в прошлое, в тело княгини Воронцовой, с которой только что развёлся муж, обвинив её в измене. Князь верит, что ребёнок, которого носит под сердцем его жена, от любовника. Бог с ним, главное для меня — родить и вырастить сына. В то же время мне не даёт покоя, что маленькая дочка княгини осталась с отцом и постоянно мне снится. Но чтобы суд отдал мне девочку, придётся доказать свою финансовую состоятельность. Открою модное ателье, и в клиентах у меня будет весь высший свет. Я обзаведусь связями и сделаю всё, чтобы Анечка осталась со мной. Главное — не позволять князю прикасаться ко мне, так сказал ангел.

Книгу в мягкой обложке можно купить на маркетплейсах Озон и Вайлдбериз, вбив в поиск имя автора "Ольга Росса - книги"

Глава 1. (Не)везучая

— Очнулась?

Едкий нашатырь обжигал ноздри. Я пыталась отвернуться от ваты, которую кто-то сунул мне под нос.

— Да-да, — распахнула я глаза и оттолкнула руку девушки, только чтобы она убрала от меня эту вонь.

— Отлично. Так обрадовалась, что в обморок упала? —

ухмыльнулась секретарь деканата, молоденькая блондиночка, которая не так давно сама училась в академии. — Я бы на твоём месте тоже от радости в обморок грохнулась.

Я лежала на узком диванчике, который стоял в деканате, приходя в себя после внезапной потери сознания. Память подкинула мне воспоминание о последнем событии перед обмороком — меня взяли на практику в дом моды знаменитого дизайнера. Из сотни портфолио будущих выпускников выбрали именно моё. Действительно ошеломляющая новость, но в обморок я упала не из-за этого.

Утром меня снова тошнило. Задержка была уже почти неделя, и я сделала тест прямо в туалете академии буквально час назад. Две розовые полоски проявились быстро. Сердце пропустило удар, а потом радостно забилось. Я стану мамой!

Я приподнялась с дивана и посмотрела на секретаря, которая уже вернулась за рабочий стол.

— Смотри, вот список документов, — она положила лист на край столешницы. — Завтра всё принесёшь.

— Хорошо, — потёрла я виски. Голова ещё кружилась, но в ушах больше не звенело.

— Идти можешь? — девушка подозрительно посмотрела на меня.

— Да, — я встала и подошла к столу, взяв список. — Спасибо большое.

— Эх, везучая, — покачала головой блондинка, вздохнув.

— Наверное, — улыбнулась я, пожав плечами, листок

убрала в рюкзачок. Она же не знает, что я последний месяц толком не спала, чтобы создать портфолио для конкурса и сдать его в срок. — До свидания.

Выйдя в коридор, я перевела дух. Вот это денёк!

Мой Матвей сегодня должен прилететь из Германии. Он уезжал на две недели по делам фирмы отца. Надеюсь, любимый обрадуется неожиданным новостям. Мы встречаемся только четыре месяца. Маловато, конечно, чтобы стать родителями, но что случилось, то случилось.

Матвей заботится обо мне и очень любит. Он обещал после возвращения из Германии познакомить меня со своими родителями. Вчера позвонил и обрадовал новостью о скором возвращении. Я собираюсь вечером ждать его в квартире, которую он снимал для меня вот уже второй месяц. Никогда не думала, что любовь бывает настолько сильной.

Предвкушая долгожданную встречу, я на автомате забрала пальто из гардероба. Взглянула на своё отражение в зеркале: светло-пшеничные волосы слегка взлохмаченные, щёки бледные, зато голубые глаза сияют от счастья. Подмигнув самой себе, пошла на остановку. Это лучший день в моей жизни!

Светило солнце, снега в Москве практически не осталось. Я улыбалась, подставив лицо тёплым лучам. В кармане завибрировал телефон и заиграла лирическая мелодия — это звонит любимый. Достав мобильник, я невольно залюбовалась появившейся аватаркой Матвея, его улыбкой и карими

глазами.

— Алло! — нажав на экран, приложила телефон к уху. — Привет, любимый.

— Здравствуй, Маша, — в динамике раздался уставший напряжённый голос. — Мы только что приземлились, я в аэропорту. Прости, я не приеду.

— Понимаю, только прилетел, устал, наверное. Завтра тебя ждать? Во сколько? — поджала я губы от досады.

— Нет. Я вообще больше не приеду к тебе. До конца марта можешь жить в квартире, а потом либо сама её оплачивай, либо съезжай.

— Что? В смысле? — оторопела я от такого заявления. — Матвей, погоди... Объясни, что происходит?

Я остановилась посреди тротуара, не обращая внимания на прохожих.

— Маша, я женюсь на другой. Прости, — громом прозвучали его слова. Сердце забыло, как биться. — Гретта — дочь отцовского партнёра по бизнесу из Германии. Она милая, умная и наследница огромной строительной фирмы. Понимаешь, что это шанс свалить из страны раз и навсегда? Я не могу упустить такую возможность.

— А как же я? — слова давались с трудом. Холодные мурашки ужаса сковали всё тело.

— Маш, ты отличная девчонка, красивая и творческая. Ты ещё встретишь достойного парня, — его слова звучали как издёвка.

— Матвей, я беременна, — еле сдерживала слёзы, чтобы не разрыдаться на улице. — Недавно сделала тест, он показал две полоски.

Любимый тихо выругался матом.

— Какого чёрта, Маша? Решила быстренько придумать беременность, чтобы привязать меня? — хохотнул он в трубку. — Ну уж нет, я не поведусь на твой дешёвый трюк.

— Я не выдумала, это правда, — всхлипнула я. Голос дрожал от слёз.

— Слушай, это твои проблемы, — зло процедил он. — Ты же говорила, что пьёшь таблетки. Какого фига предъявляешь мне сейчас беременность?

— Матвей, я же потом сказала тебе, что таблетки не подошли, и мне нужно подобрать новые. — Ноги подкашивались, я на автомате огляделась, высматривая, куда можно присесть.

— Тогда иди в клинику и делай аборт. Всё, Маша, я устал от этого разговора, — звучал в динамике раздражённый голос. — Я перечислю тебе деньги на врача и процедуру. Пока.

Он прервал вызов, и телефон умолк. Я стояла на улице и ничего не понимала, только растерянно оглядывалась. Как вышло, что моя жизнь рухнула в один миг? Поверить не могу!

Автобусная остановка находилась в паре метров от меня. На негнущихся ногах я с трудом дошла до неё и села на лавку, приходя в себя после разговора с любимым. Что же мне

делать?

Люди вокруг толпились, высматривая нужный автобус. Транспорт подъезжал, одни пассажиры выходили, другие заходили. А я всё сидела и не могла найти в себе силы встать и уехать. Холод подбирался к самому сердцу, но слёзы не шли, хотя очень хотелось разрыдаться.

На телефоне прозвучал звук оповещения. Я поднесла экран к лицу. На карту поступила сумма в пятьдесят тысяч рублей. Вот и цена любви...

Как он мог? Бросил меня, чтобы жениться на немке ради переезда в Германию? Деньги для него превыше всего?

Я не выдержала и тихо начала плакать, сидя в уголке остановки. Ничего, как-нибудь справлюсь сама. Аборт, конечно, я не буду делать. Пока живота не видно, пройду практику в доме моды. Может, меня заметят и возьмут после окончания академии на стажировку? Сейчас можно работать удалённо из дома. Значит, есть шанс зацепиться за эту работу. Я с юных лет мечтаю стать дизайнером, открыть собственный бутик свадебных и вечерних платьев. Ребёнка я воспитаю сама, он ведь ни в чём не виноват. Я уже люблю его всем сердцем.

Я настолько погрузилась в собственные мысли, что не обратила внимания на приближающийся рёв мотора. Кто-то истошно завопил: «Берегись!» Я подняла голову — красный спорткар на бешеной скорости летел прямо на меня.

Глава 2. Проводник

Глава 2. Проводник

Холод пробирал до самых костей. Я пошевелила ногами, руками и открыла глаза. Что со мной? Почему я лежу на грязном тротуаре? Встала, отряхнулась, оглядываясь по сторонам. Народ толпился возле остановки, закрывая обзор. Кто-то снимал происходящее на камеру телефона, вытянув руку вверх. Там явно что-то случилось. Вот и полицейские автомобили стоят, и кареты скорой помощи. Медики в униформе слаженно вкатили носилки в машину, и через секунду скорая сорвалась с места, включив спецсигнал. За ней рванула вторая.

— Что тут произошло? — зеваки подходили, тоже заметив столпотворение.

— Какой-то обдолбанный мажор влетел на машине прямо в остановку, — ответил мужчина, обернувшись, и посмотрел сквозь меня. — Он даже не притормозил.

— О боже! — ахнула женщина.

Я обогнула зевак и тоже пришла в ужас, увидев покорёженную остановку и красную машину, которую уже откатали назад. Кровь нетрудно было заметить — она была везде.

— А где этот гад? — впереди меня стоял мужчина, задавая вопросы в толпу. — Живой?

— Живой, только что скорая увезла, — ответил кто-то.

— Пусть ему пожизненное дадут за такое, — злобно процедил дед.

— Много пострадавших?

— Пятерых на скорой увезли в тяжёлом состоянии, — продолжила женщина, стоявшая у ленты, ограждающей место происшествия. — А этой девочке не повезло. Машина прямо на неё налетела. Медики сказали, мгновенная смерть.

— Бедняжка. Даже, наверное, не поняла ничего, — сочувственно вздохнула другая женщина.

В памяти начали всплывать картинки, как я сижу на этой самой остановке и слышу рёв мотора, а потом... ничего.

— Пропустите, — я рванула вперёд. Страшные предчувствия холодом прокатились по телу.

Вдруг я поднялась над землёй, словно ветер подкинул пушинку, и ужаснулась от увиденной сверху картины, всё осознав. Мой окровавленный рюкзак лежал возле тела, которое было прикрыто простынёй, замаранной красными пятнами. Это я лежу на носилках... мёртвая...

— Прости, Маша, — рядом прозвучал ласковый голос. — Не уберegli мы тебя.

Я обернулась и увидела мужчину в белом костюме, он парил рядом со мной прямо в воздухе. Нереально красивый блондин с голубыми глазами весь светился, словно был соткан из лучей солнца.

— Ты кто? Ангел? — опешила я, смотря на него. Только нимба и белых крыльев не хватало для полного сходства.

— Проводник, — с грустью смотрел он на меня. — Пришёл за твоей душой и душой твоего сына, — он кивнул, указывая куда-то вниз. Мой взгляд проследовал за ним, и я увидела трёхлетнего малыша с чёрными волосами, так похожего на Матвея. Мальчик поднял на меня взгляд синих глаз, и я схватила его на руки, крепко прижав к груди.

— Но как же?.. — мне хотелось рыдать, но слёз не было. — Он ведь ещё не родился и не видел этого мира. Разве это справедливо?

Душа сына обняла меня за шею, уткнувшись в неё носом. Я ощущала его тёплое дыхание, словно он был живой.

— Тёмные силы устроили ловушку. Они боятся воплощения этой светлой души на земле и всё сделали для того, чтобы твой сын не родился, — продолжал проводник. В голосе его слышалось сожаление. — Твои хранители пытались спасти вас, но не успели. Тёмные обхитрили нас. Прости, Мария.

— Неужели ничего нельзя сделать? — я крепче обняла малыша. — Прошу вас...

Проводник нахмурился, раздумывая.

— Твоему сыну предназначено изменить этот мир к лучшему, укрепить силы света на земле, — вздохнул он. — Его душе нужно обязательно воплотиться. Я перенесу вас в прошлое, точнее для тебя оно прошлое, но для меня это просто другой отрезок развития мира. Там вам будет безопаснее. Тёмные не скоро смогут вас найти.

— Я на всё согласна! — надежда затеплилась внутри.

— Мария, ты попадёшь в тело беременной жены князя Воронцова, — тон проводника сменился на назидательный. — Я перенесу тебя как раз в тот момент, когда души княгини покинет её тело... — проводник замер, прислушиваясь. — Тёмная свора!

В одно мгновение мы оказались внутри сверкающей сферы. Откуда ни возьмись налетели чёрные тени, пытаюсь пробить защитную стену, но она их словно обжигала. Правда, тени не отступали и снова кидались на сферу.

Вдруг сверху на меня полился яркий свет, затмевая всё вокруг.

— Мария, я открыл портал перехода, иди, пока не появились всадники! Они не должны видеть, куда я тебя перенесу! Слушай меня внимательно! — голос мужчины звучал взволнованно и громко, самого его я уже не видела. — Ты должна сберечь сына и вырастить его до десяти лет. Потом у него проявится дар и он сам сможет за себя постоять. Я дам и тебе силу, чтобы ты справилась. И самое главное — не позволяй князю Воронцову прикасаться к себе! Слышишь?

— Да, поняла! — крикнула я, чувствуя, как нас с сыном затягивает в воронку.

— Мария, только не позволяй Воронцову! Он...

Его голос оборвался. Нас затянуло в переход. Я зажмурила глаза, не отпуская от себя сына, а потом распахнула веки и увидела белый потолок с лепниной.

Визуал героини

Давайте познакомимся с нашей героиней Машей, будущей выпускницей Московской академии. Маши училась на дизайнера одежды. Милая и добрая девушка, которая приехала в столицу из провинции.

Воронцова Мария Павловна, 22 года. Именно в её теле оказалась наша героиня. Нелёгкая судьба выпала на долю молодых жёницин.

Читаем дальше...

Глава 3. Духовный суд

Глава 3. Духовный суд

Глава 3. Духовный суд

— Марии Павловне плохо! — тревожный мужской голос раздался надо мной.

Я ухватилась за что-то и попыталась сесть. Слабость разливалась по всему телу, голова болела, словно вот-вот расколется пополам.

— Ещё одна уловка? — недовольно процедил второй баритон.

— Держитесь, сударыня, — мужчина, который оказался рядом, помог мне сесть, поддерживая. Я навалилась на спинку деревянной скамьи, пытаюсь сообразить, где нахожусь и что вообще происходит.

Передо мной стоял широкий деревянный стол, за ним сидел мужчина в сером сюртуке. Он был уже в довольно солидном возрасте. Посмотрел сочувственно поверх круглых очков, а у меня в голове промелькнула мысль: «Мой поверенный, мы находимся в суде Консистории».

— Спасибо, Фёдор Михайлович, — пробормотала я его имя, оно само пришло мне на ум. Я пыталась собраться с силами, но слабость не отпускала меня.

Справа от нас возвышался длинный стол, за которым сидел седовласый мужчина в мантии судьи. Слева располага-

лись ряды скамеек, на них устроились наблюдатели: мужчины и женщины в старинных одеждах.

Ах да, проводник же сказал, что отправит меня в прошлое. Судя по фасонам одежды, я оказалась где-то в середине девятнадцатого века. Косточка корсета впилась мне в подмышку, подтверждая мои догадки и заставляя выпрямить спину. Правда, в то же время я ощутила, что талия моя сильно не затянута.

— Прошу Духовный суд учесть показания всех свидетелей, — грозный баритон прозвучал как набат, — а также принять во внимание письма любовника моей жены.

Я поморщилась и взглянула на обладателя этого шикарного голоса. Напротив, в паре метров от нас, располагался ещё один стол, возле которого замер высокий брюнет в шикарном чёрном костюме, гордо подняв голову. Он смотрел на судью, заложив руки за спину. Мужчина был хорош собой, про таких раньше говорили: «Косая сажень в плечах».

— Вдобавок прошу учесть то, что моя жена понесла от любовника, — мужчина продолжал грозно чеканить слова, словно забивал гвозди в крышку гроба неудавшегося брака. Он повернулся и впился в меня взглядом тёмно-синих глаз.

— Думали, дорогая супруга, что я ничего не узнаю? — горькая усмешка искривила его чувственные губы.

«Муж. Князь Воронцов Александр Григорьевич», — промелькнула у меня мысль словно из ниоткуда.

Я инстинктивно прижала руку к животу, защищая свое-

го малыша, как будто злобный взгляд мужчины мог причинить ему вред, и ощутила под серым платьем едва выпирающий живот — пятый месяц, наверное. «Главное, не позволяй князю Воронцову прикасаться к себе!» — всплыл в памяти голос проводника. Вдруг тянущая боль сковала низ живота. О нет!

— Молчите? И правильно делаете, сударыня, — продолжал измываться князь над супругой, в теле которой я оказалась. Я стиснула зубы от накатывающей тошноты. Что-то со мной не так.

— Я прошу Духовный суд развести меня с супругой, которая опозорила наш брак прелюбодеянием и приплодом от этой отвратительной связи. — Князь отвернулся от меня, снова обращаясь к судье. — Прошу вернуть Марии Павловне титул и фамилию, которые она носила в девичестве, а также запретить моей супруге видеться с нашей дочерью Анной, дабы дурное поведение матери не повлияло на девочку. Я достойно воспитаю дочь сам, согласно её титулу и положению. У меня всё!

О боже! У князя и его жены есть ещё дочь! Перед глазами всплыл образ трёхлетней девочки со светлыми кудряшками. Сердце заныло от тоски — эмоции чужой материнской любви и отчаяния затопили меня с такой силой, что голова вот-вот взорвётся от боли.

— Духовный суд услышал ваши требования, ваше сиятельство, — проговорил скрипучим голосом судья. — Слово

предоставляется Фёдору Михайловичу Головину.

— Благодарю, ваше святейшество, — кивнул мой поверенный, вставая. — Значит так-с: я не согласен с требованиями князя Воронцова. Во-первых, вы не упомянули о приданом, которое получили, взяв в жёны Марию Павловну...

Слёзы покатались по моим щекам. Я всхлипнула, приложив к носу платок, который всё это время сжимала в руке. Я уже не слушала речь адвоката — чужие и мои собственные эмоции крепко переплелись, связываясь узлом внизу живота. Перед глазами всё плыло от боли и тошноты. Я еле держалась, стараясь не лишиться чувств. Тело стало ватным, мысли путались. Чтобы не скатиться на пол, я завалилась прямо на стол, тихо простонав:

— Помогите... спасите моего ребёнка... прошу...

— Опять спектакль?! — услышала сквозь гул в ушах злобный рык князя и потеряла сознание.

Визуал героя

А теперь познакомимся с князем Воронцовым, 32 года. Совладелец общества "Московский текстиль" и хозяин нескольких гостиниц в Москве.

Как вы уже догадались, дорогие читатели, князь застукал свою жену с любовником и потребовал расторжения брака. Тяжба длилась не один месяц, и как раз наша героиня попала на последнее заседание.

И второй вариант. Какой стиль арта вам больше нравится?

Красавчик! Согласны?

Глава 4. Больница

Глава 4. Больница

Аромат цветущей сирени кружил голову. Я вдохнула полной грудью и взглянув на кустарник, весь усыпанный гроздьями сиреневых соцветий.

Я присела, взяла на руки малышку и поднесла её к ближайшей ветке.

— Смотри, Анечка, это сирень, — и чмокнула дочку в щёчку, убрав светлую кудряшку за её ушко. — Такой чудесный аромат весны.

Я оборвала метёлку с мелкими цветами и поднесла её сначала к своему носу, а потом дала малышке повторить за мной. Она уткнулась носиком в соцветие и прикрыла синие глазки, шумно вдохнув аромат.

— Вкусно? — я наслаждалась нашей прогулкой, пока была такая возможность.

— Кусно, — кивнула малышка в белом платице.

— Мари, кто разрешил вам брать дочь на руки? — грозный рык раздался внезапно. Я вздрогнула, узнав голос мужа. — Немедленно отпустите её! И почему вы гуляете одни? Я позволил вам видиться с Аней только в присутствии няни или моей сестры!

Сердце сжалось от боли. Я обернулась, увидев грозную фигуру приближающегося мужа. Мне пришлось спустить

Анечку на землю. Глаза предательски защипало. Но уж нет, Александр не увидит моих слёз.

— Все были заняты. Я решила не ждать и погулять с Анечкой, ведь она скоро захочет спать, — сдержанно ответила я, гордо подняв голову.

Муж остановился в шаге от нас, затем подхватил дочку на руки, но малышка протестующе заплакала.

— Анна, не реви, — злился супруг. — Вот видите, к чему приводят ваши объятия? Дочка потом долго плачет и просится к вам.

— Может, стоит разрешить мне видеться с ней чаще? Я могла бы сама укладывать её спать, как раньше...

— Как раньше уже не будет! — злобно отчеканил Александр. — И в этом виноваты вы. Через неделю состоится Духовный суд, и наш брак будет расторгнут. Больше вы никогда не увидите дочь, Мари!

Он резко развернулся и зашагал по садовой дорожке к дому.

— Ма-а-а-ма-а-а! Ма-а-а-ма-а-а! — продолжала плакать Анечка на руках отца, но он упрямо шёл вперёд, не оборачиваясь.

Не выдержав, я разревелась, закрыв лицо руками. Ноги подкосились, я еле добрела до скамьи и обессилено села на неё. Всё рушится — мой брак, моя жизнь... Я обхватила живот, почувствовав тянущую боль. Нужно успокоиться, врач говорил, мне противопоказаны сильные переживания...

Сон развеялся, оставив после себя отголоски отчаяния и горя Марии, в теле которой я теперь живу. Она очень любила дочь и страдала оттого, что муж позволял им видеться всего пару часов в день.

Я лежала на боку под одеялом, но не торопилась открыть глаза. Волнение и страх проснулись вместе со мной, когда в памяти всплыли картины моей гибели и суда. Ладонь аккуратно легла на чуть выпирающий живот, ощутив грубоватую ткань сорочки. Жив ли мой малыш? Вдруг я почувствовала лёгкое шевеление, словно рыбка проплыла, махнув хвостиком. Жив!

Распахнув глаза, я увидела перед собой пустую койку с голым матрасом. Солнечные лучи медленно ползли по дощатому полу и белым стенам. Помещение было похоже на палату в больнице.

Собравшись с силами, я присела на кровати. Кроме меня в комнате находились ещё четыре женщины, уже довольно пожилые. Судя по солнцу, был тихий час после обеда.

Я и мой сын живы — это главное. Жаль только моих родителей и старшую сестру. Даже не представляю, как они переживут мою смерть. Я обещала Лене посидеть завтра с её сыном. Никите семь лет, и у него аутизм. Муж бросил Лену, как только узнал о диагнозе ребёнка. Кто теперь станет помогать сестре? Как она без меня справится? Слёзы покатились по щекам. Мне будет не хватать моих родных. Пусть бог поможет им перенести то горе, что пришло в наш дом.

Немного успокоившись, я встала. Голова слегка кружилась, но тошноты не было. Я нашла на спинке кровати стёганный халат из грубой хлопковой ткани и накинула его на плечи. Осторожно направилась к выходу — может, найду кого-нибудь из медперсонала.

В длинном коридоре с белыми стенами никого не было. И куда же идти? Тут на моё счастье из соседней палаты вышла женщина в длинном сером платье, белом переднике и повязанном на голову платке.

— Мария Павловна! Вам нельзя вставать! — ахнула она и подбежала ко мне, ухватив под руку. — Немедля вернитесь в палату.

— Где я? — задала я закономерный вопрос.

— В Ново-Екатерининской больнице, вас сюда привезли прямо из Консистории, — женщина повела меня обратно в палату. — Сейчас я позову врача, и Пётр Николаевич ответит на все ваши вопросы.

— Хорошо, — я кивнула, вздохнув.

Вернувшись в палату, я снова легла и укрылась одеялом. Медсестра торопливо вышла, и через пару минут вошёл седовласый мужчина с бородкой и в круглых очках. Он взял стул у входа, подошёл к моей кровати, поставил стул и сел на него.

— Пётр Николаевич Дерягин, — представился врач. — Как вы себя чувствуете, Мария Павловна?

— Слабость, но голова не болит. Что с моим ребёнком? С

ним всё в порядке? — сглотнула я ком в горле.

— Это будет яснее позже, сударыня. Беременность сохранилась каким-то чудом, как и ваша жизнь, — он удивлённо приподнял седые брови. — Мария Павловна, применять яды на таком сроке беременности очень опасно, да ещё в большой дозе. Вы сами могли погибнуть.

— Что? — голос мой осип от внезапной сухости во рту. — Вы думаете, я хотела избавиться от ребёнка?

— Я понимаю, вы оказались в трудной ситуации, — нахмурился мужчина, осторожно подбирая слова. — Ваш муж уличил вас в неверности. Позавчера Духовный суд рассмотрел заявление князя, и ваш брак расторгли. Ребёнок вне брака — это позор для женщины.

— Да что вы такое говорите?! — волна гнева моментально вскипела во мне. Видимо, подсознание княгини было со мной солидарно, и слова сами сорвались с губ. — Я не травила себя, чтобы избавиться от малыша! Это не по-христиански! Я не собиралась брать на душу смертный грех!

— Простите, Мария Павловна, но что я мог подумать, когда ваш поверенный всё рассказал мне? — мужчина недоуменно пожал плечами. — Значит, вы утверждаете, что не собирались избавляться от ребёнка? И никаких настоек не принимали?

— Нет, не принимала, — замотала я головой, уверенная в том, что так и было. Связь с подсознанием княгини ещё держалась, но я не знаю, всегда так будет или нет. Пока я

ощущала отголоски её эмоций как свои собственные.

— Да уж, — врач ещё сильнее сдвинул брови на переносице. — Удивительно, что вы и ваш ребёнок вообще выжили. Кто-то пытался вас отравить?

— Не знаю, — теперь призадумалась я. Память княгини молчала, но неприятный холодок пополз по коже. Неужели муж пытался избавиться от супруги? Что там говорил поверенный перед тем, как я потеряла сознание? Что-то про приданое...

— Вот что, сударыня, вам нужно ещё пару дней провести в больнице, — сурово посмотрел на меня врач.

— Мне необходимо увидеться с Фёдором Михайловичем Головиным, — надо же узнать, чем всё закончилось в суде, чтобы понять, как мне жить дальше. Удовлетворил ли суд требования Воронцова?

— Я могу отправить посыльного с запиской к нему. Ваш поверенный и так просил меня связаться с ним, как только вы придёте в себя.

— Буду вам очень благодарна, — с облегчением выдохнула я.

— Вы пока отдыхайте. Я распоряжусь, чтобы вас накормили, — врач встал и, поставив стул на место, вышел из палаты.

Вздыхнув, я легла на подушку. Незвестность пугала, особенно то, что жить мне придётся в прошлом. Я не знаю ни этикета тех времён, ни законов, но буду надеяться на память

Марии. Как-то же всплыли у меня в голове имена поверенного и князя Воронцова. Значит, смогу опознать и прочих людей, близких княгине.

Какой сейчас год и месяц? Кажется, июнь или конец мая. Из открытого окна лёгкий ветерок доносил ароматы цветов и зелени. Наверное, где-то рядом сад.

Я посмотрела на свои ладони: тонкие пальцы, ухоженные ногти — конечно без лака, нежная кожа, но на левом указательном пальце видны следы от швейной иглы. Полагаю, княгиня занималась вышиванием. Интересно взглянуть на себя в зеркало. Как я теперь выгляжу? Волосы светло-русые — это я уже поняла по длинной косе за плечами. Волосы практически как мои родные, только длиннее.

Обед мне принесла медсестра. На подносе стояла тарелка с горячей перловой кашей, чашка чая и пара кусочков ржаного хлеба. Я вдруг ощутила, что действительно голодна, и с аппетитом принялась за еду. Перловку повар хорошо проварил и добавил в неё топлёное масло, поэтому каша оказалась вкусной и сытной.

Где-то через час в палату вошёл знакомый мужчина в сером костюме, неся под мышкой кожаный портфель.

— Мария Павловна, рад видеть вас в здравии, — тихо произнёс он. Это был поверенный, который защищал мои интересы в суде. Я обрадовалась, чувствуя, что княгиня доверяла этому человеку.

— Здравствуйте, Фёдор Михайлович, — улыбнулась я

мужчине, присев на кровати.

— Значит так-с, Пётр Николаевич позволил нам побеседовать в его кабинете, — он оглянулся на женщин, которые ещё спали на своих койках. — Нам никто не помешает.

— Хорошо, — я встала и плотнее запахла полы халата.

Через пару минут, пройдя по длинному коридору, мы очутились в просторном кабинете главного врача, где царил такой же порядок, как и в палате.

Поверенный подошёл к письменному столу, достал из портфеля бумаги и внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— Итак, есть хорошие новости и плохие. С чего начать?

— Давайте сначала плохие, — кивнула я на пачку бумаг.

— Присядьте, Мария Павловна, — мужчина вежливо отодвинул для меня стул.

Визуалы

Мальшика Анечка, 3 года, дочка князя Воронцова и Марии

И визуал к 4 главе. Сон, приснившийся Маше

Глава 5. Развод

Глава 5. Развод

Глава 5. Развод

— Духовный суд расторг ваш брак с князем Воронцовым, вернул вам титул графини и девичью фамилию Ивелич, — со скорбью в голосе сообщил поверенный. — А также запретил вам видеться с дочерью.

— О нет, — я опустила взор, тяжело вздохнув. Нужно сделать вид, что сильно расстроена. Хотя новость о том, что Анечка не будет видеть мать, меня действительно не радовала.

Но жить в одном доме с незнакомым человеком, который ненавидит меня, — та ещё перспектива. Тем более проводник мне строго наказал не позволять Воронцову прикасаться к себе — жаль, не успел договорить почему. Выходит, развод с князем мне только на руку.

— Значит так-с, я подам на апелляцию и буду бороться за то, чтобы судья разрешил вам видеться с дочерью хотя бы два раза в месяц, — успокаивал меня поверенный. — Не волнуйтесь, Мария Павловна, ещё не всё потеряно.

— Благодарю вас, Фёдор Михайлович, — поджала я губы. В носу защипало, видимо, гормоны и подсознание княгини давали о себе знать.

— А теперь хорошие новости, — уже бодрее произнёс

мужчина. — Судья рассмотрел завещание вашего батюшки. Акции общества «Московский текстиль», которые были переданы князю Воронцову в качестве приданого, остаются у него. К сожалению, тут большие сложности из-за того, что ваш бывший супруг является главным акционером. Но! Князь Воронцов теперь обязан пожизненно выплачивать вам ежемесячное пособие в тридцать девять рублей.

— Это уже радует. — Лишних денег точно не бывает. Только я понятия не имею: тридцать девять рублей это мало или достаточно в девятнадцатом веке? Как бы уточнить у поверенного, какой именно год на дворе? Я бы спросила прямо, но боюсь вызвать ненужные подозрения.

— Далее. Дом вашего батюшки по-прежнему принадлежит вам. Без крова вы не останетесь. Князь обещал в течение трёх дней освободить жильё, которое все эти годы использовалось под склад.

— Замечательно, — вздохнула я с облегчением. — Значит, когда я выйду из больницы, могу вернуться в родной дом.

— Всё верно, — кивнул поверенный и положил передо мной бумаги. — Значит так-с, документы на владение домом и землёй, отдам вам, когда выйдете из больницы. Тут они вам не к чему.

Действительно хорошая новость — у меня есть дом, это главное.

— Очень благодарна вам, Фёдор Михайлович, — искрен-

не произнесла я. Но как расплачиваться с ним? — Вы мне потом пришлите, пожалуйста, счёт за ваши услуги.

— Что вы, Мария Павловна! Какой счёт?! — От возмущения на его шее появились красные пятна. — Я уже говорил вам, что ничего не надобно. Павел был моим другом и многое сделал для меня, я перед вашим батюшкой в неоплатном долгу. Поэтому с радостью помогаю вам и верю в то, что вас кто-то оклеветал и заманил в эту ловушку с графом Третьяковым.

Ого! Это уже интересно! Я наострила ушки.

— Вы добрая и доверчивая душа, Мария Павловна, вас легко обмануть и ввести в заблуждение, — вздохнул поверенный. — Этим и воспользовался Борис Гавриилович, который, скорее всего, действовал по чужой указке за хорошее вознаграждение. Сам бы он до такого точно не додумался.

— Почему вы так считаете? — осторожно поинтересовалась я.

— Я недавно узнал, что граф задолжал крупную сумму владельцу игорного дома. И через пару дней после того, как ваш муж увидел в номере вас в объятиях якобы любовника, Борис расплатился с частью долга. А вчера полностью покрыл задолженность и уехал в Европу.

— Спасибо, Фёдор Михайлович, за поддержку, — задумалась я. Очень похоже на то, что этот граф был кем-то нанят, чтобы опорочить Марию и растоптать её честь в глазах общества.

— Значит так-с, завтра я подам на апелляцию и буду добиваться того, чтобы его святейшество позволил вам видеться с дочерью, — уверенно произнёс поверенный и, немного задумавшись, продолжил: — Можно также требовать отмены расторжения брака. Думаю, узнав о вашем отравлении и долгах графа Третьякова, Духовный суд может дать время на расследование, и ваш брак будет пока сохранён.

— Вот именно что пока. Боюсь, вы слишком полагаетесь на силу закона и справедливости, Фёдор Михайлович, — покачала я головой. — Мой муж заявит, что я пыталась избавиться от ребёнка и отравилась, употребив большую дозу яда. Врач просто констатировал отравление, но нужно ещё доказать, что от меня хотели избавиться. Моих слов будет недостаточно, чтобы судья поверил в покушение на мою жизнь.

— Тут вы правы, Мария Павловна, — кивнул мужчина, — но появится шанс доказать вашу невиновность. Я уверен: хозяина трактира и очевидцев якобы ваших встреч подкупили, хорошо им заплатив. Вдруг нам удастся узнать, кто заказчик?

— А если нет? Опять суд? Терпеть унижение и ненависть мужа? Увольте, но я не хочу снова через это проходить. Вы же знаете, я в положении, мне нельзя волноваться, — я искренне не желала ввязываться в эту тяжбу. — Может, отравитель просто добивался нашего с князем развода и успокоится на этом. Если он узнает, что брак снова в силе, на меня

опять могут покушаться. И кто знает, будет ли эта попытка столь же неудачной или нет.

— Конечно, голубушка, вы правы, — он ласково, по-отечески посмотрел на меня. — Но у меня сердце кровью обливается, стоит подумать, что ждёт вас после развода. Как же Анечка без вас? Как вы будете одна растить ребёнка вне брака? Свет перестанет принимать вас — сплетни о вашем положении и так уже заполонили салоны Москвы. Замуж вам больше не выйти. Да и тридцать девять рублей невеликие деньги.

— Не волнуйтесь, Фёдор Михайлович, — глаза вдруг защипало от обиды. Эмоции княгини опять проснулись во мне, смешавшись с моими собственными чувствами. — Я справлюсь. У меня есть дом, руки-ноги на месте — это главное.

— Значит так-с, Мария Павловна, обещайте мне, что, если будет совсем тяжело, обратитесь ко мне за помощью, — не унимался мужчина. Видимо, действительно переживает за судьбу дочери друга.

— Обещаю, Фёдор Михайлович, — кивнула я. — Буду ждать хороших новостей. Очень надеюсь, что смогу видаться с дочерью.

— Всё сделаю, что в моих силах, — искренность звучала в его голосе. — Может, вам что-то нужно? Вы только скажите, я привезу.

— Да, мне необходимы гребень для волос, щётка и зуб-

ной порошок, — осторожно назвала я предметы, надеясь, что они уже существуют. Хотя что это я — гребень-то определенно уж вещь привычная.

— Я отправлю своего помощника, он привезёт вам вещи сегодня же, — охотно отозвался поверенный.

— Послезавтра меня выпишут из больницы. Вы не могли бы меня встретить и отвезти в дом моих родителей? — осмелилась я сразу попросить о помощи. Я ведь понятия не имею, где находится особняк, а денег нанять извозчика у меня с собой нет.

— Конечно, Мария Павловна, непременно буду. И вашей нянюшке сообщу. Позвольте провожу вас до палаты, — мужчина поправил очки на носу и галантно подал мне руку.

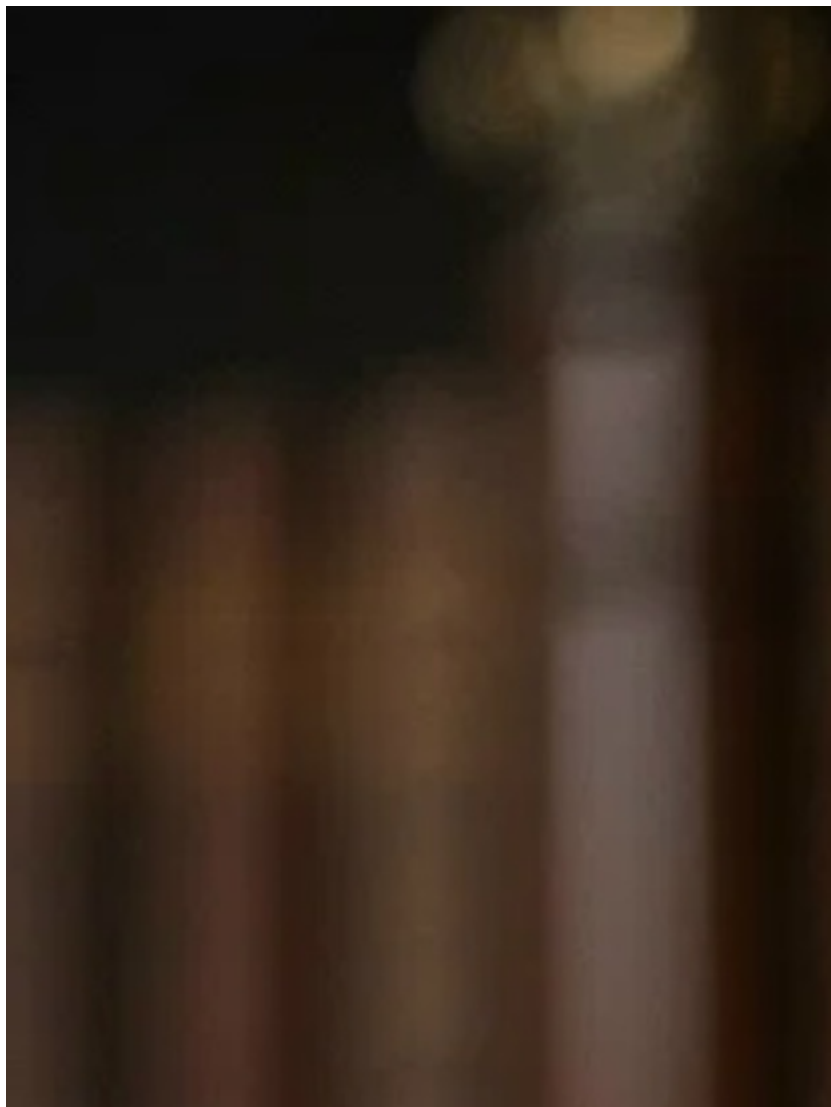
У княгини есть нянюшка? Я призадумалась, обхватив мужскую руку. В памяти всплыл образ немолодой пухленькой женщины в чепце. «Аглая Никифоровна», — промелькнуло имя в голове. А вот с нянюшкой могут быть проблемы. Уж она точно знает Марию с пелёнок и заметит, что её подопечная изменилась. Надеюсь, развод — достаточно веская причина для того, чтобы объяснить перемены в характере униженной княгини.

Выходя из кабинета, я остановилась возле зеркала, которое висело рядом с дверью. Сделала вид, что поправляю волосы, и еле сдержала возглас. Княгиня Воронцова была удивительно похожа на меня, только чуть ниже ростом и немного худее. Видимо, долгий стресс, связанный с бракоразвод-

ным процессом, сказался на внешности молодой женщины, да и отравление красоты не добавило. Но всё же чувствовала в ней порода: гордая осанка, которую тело держало на уровне рефлексов, утончённые черты лица, ясные зелёные глаза — у меня же были серо-голубые.

Мне стало жаль эту молодую женщину — она попала в хитро расставленную ловушку. Либо сам Воронцов хотел избавиться от жены, либо недруг княгини, который хотел добиться развода. Может, любовница князя? Чем чёрт не шутит. Надеюсь, после развода заговорщик потеряет ко мне всякий интерес.

Вернувшись в палату, я легла на койку, чувствуя усталость. Положила руку на живот, ощутив лёгкое шевеление малыша. И тут меня осенило. Если Мария не изменяла мужу, в чём я уверена, выходит, ребёнок от князя? Надеюсь, он никогда об этом не узнает и будет свято верить в измену жены. Иначе он может забрать у меня сына. Развод так развод, никакой апелляции. Главное — выносить и родить малыша, вырастить и воспитать его. Большого мне не нужно. Я сильная и справлюсь со всем.

Глава 6. Новая жизнь

Глава 6. Новая жизнь

Ночью подсознание княгини снова показало мне сцену из её прошлого. Я сидела за туалетным столиком и смотрела на своё отражение в тёмном зеркале. Волосы распущены, глаза лихорадочно блестят в свете свечей. На мне тонкая шёлковая сорочка с глубоким вырезом, кружевные оборки обрамляют декольте. Сердце бешено бьётся в груди, даже ладони вспотели.

— Ты моя, красна девица, — пропел ласковый голос рядом, и заботливые руки коснулись моих волос.

— Ох, нянюшка, страшно-то как, — прошептала я, замурив глаза на мгновение. В отражении за моей спиной появилась коренастая женщина, она аккуратно расчёсывала мои светлые локоны гребнем.

— Не волнуйся, моя лебёдушка, — улыбнулась няня. — Князь мужчина порядочный и не заставит тебя против воли лечь с ним. Но ты же понимаешь, что первая ночь после вашего венчания неизбежна. Я молюсь, чтобы супруг твой был ласков и нежен с тобой, Машенька. Он не обидит тебя, поверь.

Слова нянюшки подействовали успокаивающе, но волнение всё равно никуда не делось.

Внезапно хлопнула дверь. Огонь на свечах задрожал, и те-

ни заплясали по комнате.

— Ухожу, ваше сиятельство, — пролепетала нянюшка, склонив голову перед вошедшим, и торопливо вышла.

А я сидела, смотря в зеркало, и боялась обернуться, словно чудовище увижу, но прекрасно знала, что вошёл мой супруг, князь Александр Воронцов. В отражении появилась высокая фигура мужчины. Он был одет в белую рубашку с расстёгнутым воротом и брюки. Взгляд синих глаз плотоядно мазнул по вырезу моей сорочки, а потом князь посмотрел на меня. Сердце сделало кульбит и забилось ещё чаще.

— Мари, — голос с хрипотцой пробирал до мурашек, и моего обнажённого плеча коснулась тёплая ладонь, — ты боишься меня?

— Нет, ваше сиятельство, — едва дышала я, опустив взор.

— Мы уже обвенчаны, можешь называть меня по имени, когда мы наедине, — в его голосе слышались ироничные нотки. — Ты прекрасна, Мари.

Моей шеи нежно коснулись губы, обжигая лёгкими поцелуями, волна трепета прокатилась по телу от желанной ласки.

— Иди ко мне, Мари, — шептал мужчина, соблазняя меня только одним своим голосом.

Я поднялась с пуфика и тут же оказалась в крепких объятиях. Муж развернул меня, и его губы сначала коснулись моей щеки, а потом плавно переместились на уста, осторожно целуя. Голова шла кругом от аромата его одеколона, мож-

жевельника и лаванды. Я несмело разомкнула губы, отвечая на ласку мужа, и он усилил напор, жадно впиваясь в мой рот. Колени задрожали от накатившей слабости, руки обвивали крепкую шею, а я сама бесстыдно прижималась грудью к мужу.

— Моя нежная супруга, — тяжело дышал князь от возбуждения. Его пальцы коснулись тесёмок выреза сорочки и потянули их, развязывая. Через секунду я, совершенно обнажённая, стояла перед мужем, прикрыв руками грудь.

Супруг сначала разглядывал меня с вожделением, а потом подхватил на руки и понёс к широкой кровати. Я прижалась к его груди, желая только одного — принадлежать этому сильному и великолепному мужчине, который стал мне законным мужем.

О таком счастье, как брак по любви, я даже не мечтала. Когда отец сообщил, что князь Воронцов объявил о желании посвататься ко мне, я не поверила своим ушам. Ведь он никогда не оказывал мне знаков внимания на балах и приёмах. Мы даже ни разу с ним не танцевали. И вдруг он решил взять меня в жёны? Удивительно...

Прохладная простынь, горячее тело мужа, его страстные поцелуи, ласковые руки и мои стоны удовольствия — всё смешалось в моём сознании...

Я открыла глаза. Сердце гулко билось в груди от интимных воспоминаний княгини. Всё же она любила мужа и была счастлива до того момента, пока её жизнь не рухнула вместе

с честью. Что же случилось на самом деле? Как Воронцов застукал жену с «любовником»? Может быть, этот момент я тоже увижу когда-нибудь во сне. А сам князь любил жену? Или женился по расчёту из-за акций графа Ивелича? Хотя мне этого, скорее всего, не узнать.

За окном уже рассвело. Врач обещал меня сегодня выпустить из больницы. Наконец-то я уеду отсюда. Впереди меня ждала новая жизнь, которая пугала, но я верю, что справлюсь.

Вчера я думала о том, как мне жить дальше. Профессия у меня есть, и вполне хлебная. В девятнадцатом веке богатые дворянки заказывали платья у портных и модисток. У меня знания двадцать первого века, и работать я умею с любой тканью. Надеюсь, в этом времени уже изготавливают швейные машинки, хотя бы самые простые, на ручной тяге. Открою собственный салон по пошиву одежды, как и мечтала. Мои руки и знания моего века помогут наладить собственное дело, которое прокормит нас с сыном. Главное — найти первых клиентов и заработать репутацию, а дальше сарафанное радио сделает своё дело.

После завтрака пришёл врач и сказал, что я могу отправляться домой. Медсестра принесла моё платье, в котором я поступила в больницу. Где-то через час она обрадовала меня, сообщив, что прибыл Фёдор Михайлович.

Жутко волнуясь, я спустилась на первый этаж и сразу заметила в холле среди посетителей больницы фигуру пове-

ренного. Рядом с ним стояла коренастая женщина из моего сна в простом платье и платке. «Нянюшка», — промелькнула мысль в голове.

— Лебёдушка моя, — едва прошептала пожилая женщина и поджала тонкие губы, её глаза мгновенно заблестели от слёз. — Слава тебе господи... живёхонькая...

Стоило только приблизиться к ней, как она протянула руку и осенила меня крестом. Поддавшись душевному порыву, я смело шагнула к женщине и обняла её. От нянюшки пахло хлебом и топлёным молоком, чем-то близким и родным.

— Дни и ночи молюсь за тебя, Машенька, — всхлипнув, прошептала женщина, — пусть Господь сжалится над тобой.

— Всё хорошо, нянюшка, — с трудом произнесла я, посмотрев в выцветшие глаза крестьянки. — Ты ведь не оставишь меня?

— Бог с тобой, конечно нет, — голос у женщины дрожал от волнения. — Я ведь матушку твою растила, тебя с рождения нянчила и вот за Анечкой присматривала. Вы же для меня самые родные... — и она снова всхлипнула. — Князь давече воротился из суда злющий, аки бес. Напился аглицкого пойла, а потом рычал на слуг, чтобы пожитки все твои собрали и ничего от тебя не оставалось в доме. Вчера Прохор погрузил всё на телегу и в дом твоего батюшки отвёз.

— Вот и замечательно, — вздохнула я, отпустив плечи нянюшки. Значит, не с пустыми руками остаюсь. И кажется, Аглая пока не заметила подмену, но мы мало ещё общались.

Прогнать от себя женщину я тоже не могла — видела, насколько искренне она любит княгиню. Обманывать её не хотелось, но я понимала, что лучшей помощницы мне не сыскать, особенно когда родится малыш.

— Фёдор Михайлович, поедемте? — я взглянула на мужчину.

— Конечно, Мария Павловна, карета ждёт у входа, — он указал на дверь.

Пока мы ехали по улицам Москвы, я смотрела в оконце и практически не узнавала город. Только когда мы оказались на улице Кузнецкий Мост, я по некоторым знакомым зданиям сориентировалась, где мы находимся.

Торговая улица изобиловала лавками, салонами и ресторанами. Я еле сдерживала удивление, читая про себя вывески, которые были написаны на старославянской кириллице. Иногда до ушей доносилась французская речь, и я во все глаза рассматривала прохожих. Судя по фасону одежды, многие были выходцами из дворянского сословия.

И меня осенило: это же идеальное место для моего будущего ателье. Закусив губу, я уже представляла себе уютное помещение с большими окнами, в которых будут выставлены манекены в шикарных платьях. Правда, я пока понятия не имею, каким образом это произойдёт и что придётся сделать для того, чтобы моя мечта осуществилась. Однако в глубине души я была уверена в успехе своего любимого дела.

— Мария Павловна, князь решил открыть счёт в банке

на ваше имя, куда он будет перечислять пособие для вас, — поверенный отвлёк меня от мыслей о будущем. — Но первую выплату за июнь он передал через меня. Вот.

Мужчина достал из-за пазухи небольшую пачку бумажных денег.

— Значит так-с, здесь тридцать девять рублей ассигнациями, — он протянул мне купюры, — расписку на имя князя в том, что сумма полностью получена, потом напишите.

— Хорошо. Спасибо, Фёдор Михайлович, — я взяла деньги и положила их в нагрудный карман платья, пересчитывать не стала.

— Вот мы и приехали. Ваш дом, графиня Ивелич, — он назвал мою теперешнюю фамилию и титул.

Карета остановилась возле старых кованых ворот, за которыми виднелся двухэтажный дом, выстроенный в стиле классицизма. Во рту пересохло от волнения. Здесь выросла Мария, нянюшка прожила тут большую часть своей жизни. Только я здесь впервые.

— Прошу, — адвокат помог мне сойти на землю, подав руку. Я огляделась. Улица неширокая, мощёная, и всё же дом стоит в хорошем районе. Городские особняки местного дворянства тянулись вдоль улицы, утопающей в цветущих садах.

— Ох, мать божия, — тяжело вздохнула нянюшка, неся в руках корзинку, накрытую белым платком. — Три года никто не жил тут, как барин помер.

Металлическая калитка у ворот неприятно заскрипела, когда Фёдор Михайлович толкнул её. Клумбы, разбитые когда-то вдоль каменной дорожки, заросли сорняком. Сад возле дома был немного запущен, траву давно не косили.

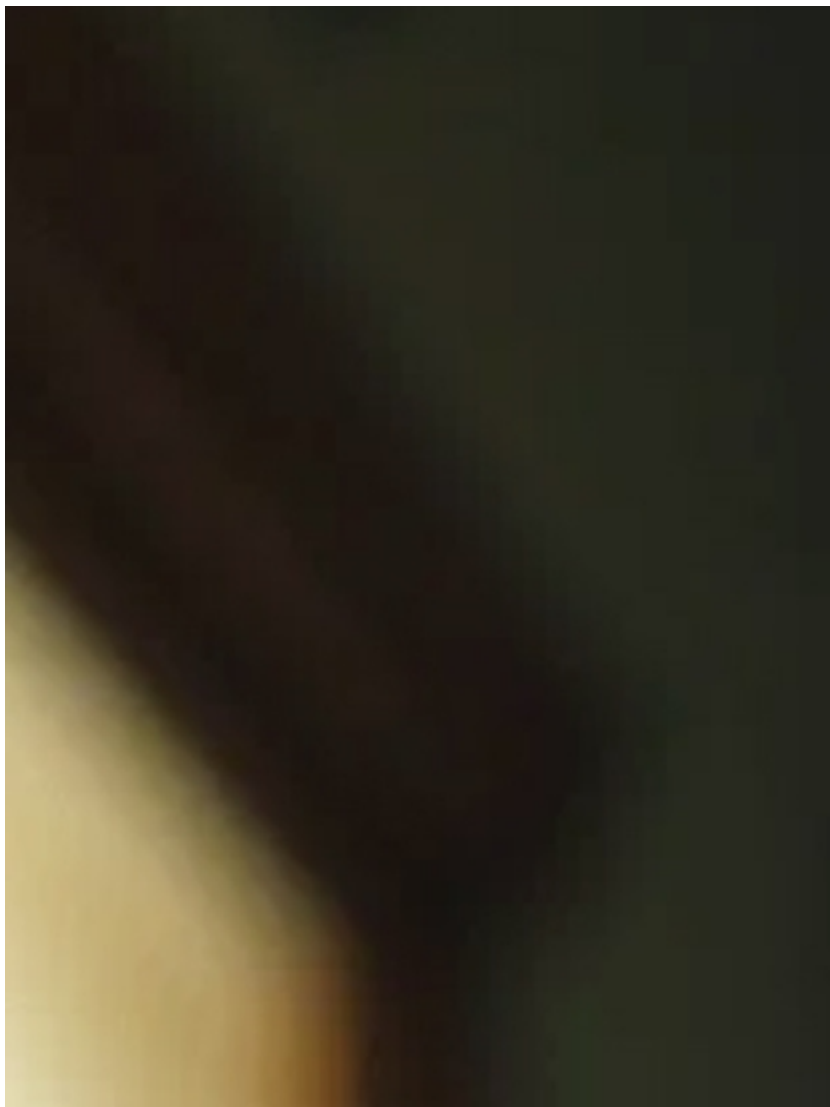
Я взглянула на возвышающийся дом: вполне просторный, не дворец, конечно, но места точно хватит. Окна зияли пустотой, целые и без видимых повреждений. Само здание выглядело прилично, не успело обветшать за эти года. Главное, чтобы крыша не протекала.

Мы подошли к дубовым парадным дверям, и Фёдор Михайлович отпёр их ключом.

— Теперь вы тут хозяйка, Мария Павловна, — и вложил мне в руку ключ. — Документы сейчас же вам отдам. Входите.

Набравшись смелости, я толкнула дверь и вошла внутрь. Сделав пару шагов, остановилась, привыкая к полумраку в холле.

— Господи боже мой! — ахнула нянюшка за моей спиной. И я была с ней полностью солидарна.

Глава 7. Отчий дом

Глава 7. Отчий дом

— Здесь был склад или притон? — я смотрела на мусор и грязь под ногами. Видимо, с тех пор как умер отец Марии, никто даже не подметал в доме. Настенные подсвечники были залиты парафином, который накапал ещё и на пол. Стены пыльные, в углах паутина, местами в паркете чернели дыры, кругом валялись щепки, бумага и поломанные ящики из фанеры.

— Вот же черти окаянные, — покачала головой нянюшка. — Совсем дом не берегли.

— Да, хуже ночлежки, — вздохнул Фёдор Михайлович, разглядывая вестибюль.

— А где же мои вещи? — растерялась я от увиденного.

— Должны были на второй этаж отнести, в хозяйскую спальню, — ответила нянюшка.

— Там тоже склад устроили? — мне хотелось плакать, глядя на этот ужас, но слезами тут точно не поможешь. Как это всё в порядок приводить?

— Только первый этаж использовали. Рабочим несподручно было по лестнице носить груз, — успокоил меня Фёдор Михайлович. Надеюсь, на верхнем этаже обстановка лучше.

— Посмотрим, что там дальше, — я шагнула вперёд, об-

ходя мусор.

В следующем просторном помещении с большими окнами царил такой же беспорядок. Камин у стены выделялся чёрным пятном — его давно не чистили. Стены были покрыты тёмно-зелёной набивной тканью с жёлтым растительным орнаментом. Интересно, получится ли отмыть стены и станут ли они светлее? Наверное, это главная гостиная, точнее бывшая гостиная. Мы обошли ещё несколько комнат — везде грязь и мусор.

— А где же мебель? — спохватилась я. Ведь ничегошеньки нет в доме, даже захудалого дивана. Неужели вывезли всё?

— Так в кладовки убрали и в барские комнаты снесли, чехлами накрыли, — ответила нянюшка. — Надобно там искать.

Она направилась к следующей двери. А я сразу не сообщила, что значит барские комнаты — может, кабинет и курительная. Помнится из истории, жилище делилось на мужскую и женскую половины. Пройдя пару помещений, Аглая открыла следующую дверь в небольшую комнату, полностью заставленную мебелью, которую действительно накрыли чехлами.

— Надеюсь, всё на месте, — облегчённо выдохнула я, глядя в дверной проём.

— Всё должно быть туточки, — нянюшка пожала плечами.

— Только как это всё вернуть на прежнее место? — поверенный задал закономерный вопрос.

Действительно, кто станет таскать мебель? Я и нянюшка точно не сможем. Она в силу возраста, а мне нельзя — и так чуть ребёнка не потеряла.

— Значит так-с, я найду носильщиков и пришлю их к вам, Мария Павловна, — строго посмотрел на меня мужчина.

— Спасибо, Фёдор Михайлович, — улыбнулась я. Всё же какой молодец, понимает, что нам с нянюшкой не справиться. — Только мы с Аглаей сначала приберём тут.

— Я свою домработницу в помощь вам пришлю. Настасья женщина бойкая, работающая.

— Мы сами справимся, — стушевалась я. — Правда, нянюшка?

— И нечего отказываться от помощи, — нахмурилась Аглая, смотря на меня. — Ишь удумала — руками полы драить да с дитём в утробе корячиться.

— Хорошо, — я отвела взгляд. Она, конечно, думает, что дворянке не положено заниматься чёрной работой. Ничего, сидеть сложа руки я точно не буду.

Далее мы вошли на кухню. Это я поняла по огромной плите с чугунной варочной поверхностью и печи, покрытой простой белой плиткой.

— Здесь хотя бы мебель есть, — вздохнула я, глядя на грязные деревянные столы и шкафы. Кажется, работники принимали здесь пищу и пили сивуху, которую пролили на

пол — запах стоял ужасный.

— Ну и вонь, — пробормотала нянюшка, скривившись.
— Точно Васька тут со своими дружками самогон гнал. Не зря народ говаривал, что этот пройдоха торгует из-под полы.

— Который Васька? — проговорила я и прикусила язык.

— Дворником работал у барина. Помнишь? Рябой такой бобыль, — женщина ни капли не удивилась моему вопросу. Значит, Мария давно не видела этого Василия. — Когда Павла Николаевича не стало, уж так Васька просился остаться — идти-то ему некуда, вот Александр Григорьевич и взял его сторожем.

— Да, помню, — правда, никакого воспоминания не всплыло в голове в связи с этим именем, а вот образ отца Марии появился. Крепкий мужчина с русыми волосами, наполовину седой, с аккуратными усами и бакенбардами — настоящий барин.

— Сперва туточки порядок надобно навести, — Аглая расстроено покачала головой. — Готовить-то где будем?

— И спальни надо проверить, ночь наступит быстро, — голова шла кругом оттого, сколько всего предстоит сделать.

— Я тогда начну кухню отмывать, а ты подымись наверх, глянь, что там творится, — предложила нянюшка.

— Хорошо, — я повернулась к мужчине. — Фёдор Михайлович, можно расписку позже напишу? Просто негде даже присесть.

— Конечно, Мария Павловна, — видно было, что поверенный чувствовал себя некомфортно среди всего этого безобразия, но и уходить не спешил. Он торопливо открыл свой портфель и достал оттуда картонную папку. — Ваши документы на владение домом.

— Благодарю. Не смею вас задерживать, вы и так мне очень помогли, — решила я отпустить мужчину, забрав у него документы. — Идёмте провожу вас.

— Я поеду сейчас в Консistorию подавать ходатайство на апелляцию. Документ вчера составил как полагается, — сообщил он, когда мы остановились в вестибюле.

— Спасибо. Поезжайте с богом, Фёдор Михайлович. Пусть у вас всё получится, — кивнула я, держа папку у груди. — Всего доброго вам.

— Как будут новости, обязательно сообщу. И вам всего хорошего, Мария Павловна, — поверенный быстрым шагом покинул дом.

Закрыв за ним дверь, я вздохнула. Поднимусь-ка на второй этаж. Что там творится?

Я направилась к широкой деревянной лестнице. Фёдор Михайлович оказался прав: складировали товар только на первом этаже. Наверху не было такого количества грязи и мусора, зато пыли оказалось предостаточно. На стенах холла второго этажа тёмными пятнами выделялись следы от картин, которые здесь когда-то висели. В гостиной я тоже приметилла похожие прямоугольные пятна. Интересно, куда де-

ли картины? Надеюсь, убрали на хранение, а не работники склада растащили.

По периметру холла располагалось несколько дверей. И которая моя комната? Я прислушалась к своим ощущениям: ничего не откликалось в душе — и решила открыть первую дверь слева.

Это оказалась спальня. В алькове стояла небольшая кровать, накрытая чехлом из мешковины, хоть матрас не придётся тащить на улицу и выбивать. В воздухе ощущался запах затхлости, помещение требовало проветривания. Первым делом я открыла окно, еле справившись с деревянной рамой, которая никак не хотела двигаться. Свежий летний ветерок ворвался в комнату. Я обратила внимание на стены, покрытые светло-голубой плотной тканью вместо привычных мне виниловых обоев. Придётся как-то очистить стены от скопившейся пыли.

Покинув первую комнату, я направилась в следующую, которая была похожа на предыдущую, и там тоже открыла окно, впуская ароматы цветущего сада. В третьей комнате, более просторной, я обнаружила у стены сундуки, саквояжи и различные коробки. Кажется, это вещи Марии, привезённые из дома бывшего мужа. Их я разберу позже.

Никаких подтёков с потолка и плесени в жилых помещениях не наблюдалось, что, несомненно, радовало. Значит, крыша цела и дом худо бедно отапливали зимами. Всё же здесь хранили товар. Интересно, какой? Фёдор Михайлович

говорил об акциях общества «Московский текстиль». Наверное, складировали сырьё для производства или рулоны ткани, которые требовали определённого уровня влажности и температуры воздуха.

Я обнаружила выходы в отдельную гардеробную, уборную и смежную комнату. Наверное, это супружеские спальни. И раз вещи занесли именно сюда, значит, тут жила мать Марии. Интересно, найду ли я какие-нибудь личные вещи? Взгляд привлёк лакированный комод, накрытый холщовкой. Аккуратно сняв ткань, чтобы не поднять пыль, я положила на комод папку с документами и открыла верхний ящик.

— Машенька! Поди сюды скорее! — голос нянюшки раздался с первого этажа. — Покажу чего.

Случилось что-то? Я оставила комод и поспешила вниз.

Глава 8. Маркиза

Глава 8. Маркиза

Оказавшись на лестнице, я сразу заметила белую кошку с огромным животом.

— Вот гляди, кто к нам пришёл, — улыбнулась нянюшка, указав на животное, которое крутилось возле её ног.

— Откуда она тут взялась? — я слегка удивилась и начала спускаться по лестнице. — От соседей пришла?

— Машенька, не признала, что ль? Это же твоя Маркиза, — недоуменно смотрела на меня женщина. В голове промелькнуло воспоминание: белая кошка лежит у меня на коленях, и я глажу её.

— Маркиза?! — ахнула я наобум, не зная, какой именно реакции ждёт от меня нянюшка. — Не может быть! — и припустила по ступеням. — Откуда?

— Почём я знаю, где она четыре года скиталась, — пожала плечами женщина. — Вон какая брюхатая, того гляди вот-вот окотится.

Спустившись, я подошла к кошке и осторожно взяла её на руки.

— Тяжёлая какая, — улыбнувшись, я слегка прижала к себе животное. — Где же ты пропадала, плутовка? Зачем только сбегала из дома?

— Тебя, наверное, искать отправилась, когда ты в дом су-

пруга переехала, — выдала няня свою версию.

Интересно, почему Мария не забрала с собой любимицу после свадьбы? Я почесала животное за белым ушком, кошка прикрыла глаза от удовольствия и заурчала.

— Маркизочка, — ласково пролепетала я. Странно, больше никаких подсказок от подсознания Марии не возникало в голове. Как бы не проколоться, если бывшая хозяйка как-то по-особенному называла любимицу. Няня тут же раскусит меня. Откуда вообще взялась эта кошка на мою голову? Четыре года где-то скиталась, лютые зимы пережила, от собак, наверное, убегала. Вот и шрамик на мордочке доказывает, что нелегко пришлось выживать. И надо было ей вернуться именно сегодня!

Вдруг я ощутила, как кошка напряглась и тихо мяукнула, умоляюще посмотрев на меня жёлто-зелёными глазами.

— Ой! Кажется, Маркиза рожать собралась, — растерянно посмотрела я на нянюшку и снова почувствовала схватку у животного. — Что делать-то?

— Вот же не вовремя, — всплеснула руками женщина, — кухню надо в порядок приводить, а тут эта вздумала котиться.

— Так что делать? — опыта такого у меня не было никогда, но и признаться в этом тоже боязно, вдруг Маркиза уже рожала при бывшей хозяйке.

— Короб надобно бы, подстилку и положить туда Маркизу.

— У меня в комнате стоят коробки с вещами, — вспомнила я. — Освобожу какую-нибудь, — и тут же направилась к лестнице, держа питомицу на руках. — Сейчас сделаю тебе лежанку, Маркизочка. Не переживай, всё будет хорошо.

В ответ кошка жалобно мяукнула.

— Я пойду на кухню, — донеслось мне вслед от нянюшки. — Дел невпроворот.

В комнате я положила животное на кровать, которая была ещё зачехлена.

— Лежи тут, — погладила кошку по животу и ощутила очередную схватку. Интересно, как долго будут длиться кошачьи роды?

Выбрала среди вещей подходящую по размеру круглую коробку. Внутри оказалась красивая шляпка, пришлось её убрать на комод.

— Так, надо что-то постелить на дно, — посмотрела я на Маркизу, которая лежала на боку и точно не собиралась никуда убегать. — Правильно, лежи. Сейчас, милая.

Я бросилась в гардеробную в надежде найти там что-то наподобие куска ткани. И не ошиблась — на стеллаже обнаружился мешок с постельным бельём. Открыв его, сразу ощутила затхлый запах, но главное, что не грязное. Взяв оттуда пожелтевшую наволочку, я вернулась в спальню. Лежанка для кошки была готова в два счёта.

— Маркиза, ложись сюда, — подхватив кошку, я перенесла её в коробку. — Отлично. Дальше что? Пошли нянюшку

спросим.

Осторожно взяв в руки коробку с кошкой, я аккуратно спустилась по лестнице. На кухне Аглая успела открыть окна, и сивушная вонь уже не так сильно ощущалась. Процесс уборки был запущен — нянюшка тёрла стол мокрой тряпкой. Интересно, где она нашла ведро и воду? Что-то я не заметила водопровода в доме.

— Ну что? Пристроила свою любимицу? — мельком взглянула на меня няня. — А я вот воды в колодце набрала. Сгодится для мытья полов, а для питья точно нет. Совсем плохая вода стала. Придётся у водовозов покупать.

Да уж, водопровода и чистой воды в кране мне будет больше всего не хватать.

— Нянюшка, Маркиза в коробке, — я поставила ношу на деревянный табурет. — Что дальше делать?

— Ничего, сама родит, поди, не в первый раз уже приплод приносит за четыре года-то, — продолжила Аглая мыть столешницу.

Значит, кошка потерялась, будучи совсем подростком, если равнять по человеческим меркам, и Мария точно не наблюдала родов у питомицы. Это уже радует.

Вопреки словам няни, кошка вдруг начала беспокойно крутиться в коробке, пытаясь то лечь, то встать, и протяжно мяукать.

— Кажется, ей больно, — заволновалась я, глядя на поведение животного. — Может, ветеринара вызвать?

— Да где ж его сыскать? — пожалала плечами женщина. —
Еще и денег запросит немало.

Закусив губу, я стояла и не знала, чем помочь кошке. Рука сама потянулась к ней и дотронулась до шёрстки.

— Маркизочка, лапочка моя, — ласково погладила я сначала спинку питомицы, потом живот, ощущая, как он каменеет от схваток. Жёлто-зелёные глаза посмотрели на меня с облегчением, как будто моя ласка помогла кошке справиться с беспокойством и болью. — Вот так, умница.

Я продолжала гладить её, убедившись, что моя забота помогает.

— Божья тварь, а тоже в добром слове и ласке нуждается, — улыбнулась Аглая, не останавливая свою работу.

Маркиза перестала жалобно мяукать, улеглась на бок, и я услышала тихое мурчание. Значит, чувствует себя комфортнее. Как же она вовремя появилась здесь, как будто почувствовала, что бывшая хозяйка вернулась и обязательно приласкает её. А может, правда почувствовала? Кто знает.

Поставив рядом второй табурет, я присела на него, а то устану рядом стоять, пока кошка рожает. Она снова забеспокоилась, пока я устраивалась на сиденье.

— Я тут, Маркизочка. Всё хорошо, — и снова принялась гладить питомицу.

Первый беленький котёнок появился где-то через полчаса, мать его тут же вылизала. Он тихо пищал, инстинктивно ища сосок матери. Я аккуратно подтолкнула слепыша в нуж-

ном направлении.

— Интересно, сколько их родится? — я с умилением наблюдала, как новорожденный присасывается к матери, и снова начала гладить кошку, так как она опять принялась протяжно мяукать.

— Да кто ж знает, увидим, — хмыкнула Аглая. Она всё это время продолжала прибираться на кухне.

Котят родилось трое: один полностью белый, как мать, и двое с чёрными пятнышками.

— Воды ей дай, — няня протянула глиняную миску с водой. — Последы она съела, не голодная, а вот пить точно хочет.

— Хорошо, — кивнула я, взяв миску.

Вдруг Аглая положила на мою руку влажную холодную ладонь, пристально взглянув мне в глаза. Сердце ухнуло в пятки от её пронзительного взгляда.

— Руки у тебя тёплые да благодатные, — скрипучим голосом проговорила она, убрав ладонь.

Я быстро отвернулась и поднесла миску Маркизе. Кошка принялась жадно лакать воду. Когда она напилась, я снова повернулась к нянюшке, держа посудину с водой.

— А ведь ты не Машенька, — неожиданно выдала женщина, не отводя от меня выцветших глаз.

Сердце сделало кульбит и бешено забилося в груди. Всё же догадалась...

Глава 9. Долгий разговор

Глава 9. Долгий разговор

— Я Маша, правда, фамилия моя Дымова. Присядьте, Аглая Никифоровна, — и выдала нянюшке всё как на духу. Она меня раскусила за пару часов. Скрывать правду бесполезно.

Рассказала, откуда я, из какого времени и даже про проводника поведала, назвав его ангелом. Аглая женщина верующая и лишь перекрестилась, услышав о божьем посланнике. Нянюшка молчала, пока я говорила, только иногда ахала и охала, да слёзы катились по её щекам.

— Всё-таки не уберегла я Машеньку, — тяжело вздохнула она, когда я закончила свой рассказ. — Ох и горемычные вы обе, нелёгкая доля вам досталась. Только Машеньку уже не вернуть, бог забрал её светлую душу к себе.

— Как вы догадались, что я не она? — надо понять свои ошибки, чтобы не повторять подобных проколов с другими людьми, кто знал Марию.

— Я сразу почуяла, что с тобой что-то не то. Моя девочка убивалась бы от горя — мужа она очень любила, хоть и не показывала ему свои слёзы. Зато подушки каждое утро мокрые были после того дня, как князь её с графом застукал. Но это не главное, — женщина протянула ко мне пальцы и дотронулась до моих ладоней. — Руки тебя выдали. Моя бабка ведуньей была, людей лечила, травы знала, обереги делала.

Дар её ко мне не перешёл, зато я вовек не забуду тепло и благодать, которые шли от её ладоней. У тебя подобный дар, а у Машеньки отродясь его не было.

Я удивлённо подняла руки к лицу, рассматривая их. Ничего необычного, руки как руки.

— И Маркизе ты помогла окотиться, боль её забрала, — Аглая продолжала удивлять меня. — Благодать до сих пор из твоих рук сочится.

— Ангел говорил, что даст мне силу, — вспомнила я слова проводника. — Неужели он имел в виду дар ведуньи?

— Выходит так, — вздохнула женщина. — Только никому не показывай свой дар. А я точно не проболтаюсь, не сумлевайся.

— Почему? — я замерла, опешив от строгого наказа.

— Церковь не жалуется таких, как ты, но попы не так страшны, — Аглая замолчала, задумавшись, словно подбирала слова. — Даже к лучшему, что суд расторг брак Маши с князем. Нельзя тебе с ним видаться.

— Это ещё почему? — приподняла я брови.

— Народ говаривал, якобы дед князя был ведьмаком и силу свою внуку любимому передал, — огорошила меня нянюшка новостью. — Машенька поведала мне однажды, что так оно и есть. Александр Григорьевич сотрудничает с тайной полицией. Он помогает искать таких, как ты, наделённых силой.

— Зачем? — эта информация колом в горле встала.

— Да кто ж ведаёт, — пожалала плечами нянюшка. — Только тех, кого забрали в Петровские казармы, больше никогда не видели.

— Убили?

— Ходят слухи, что их держат в заточении, заставляют служить царю и его семье, поэтому держись подальше от князя. Ежели он дотронется тебя, сразу твой дар почует и сдаст в тайную полицию.

— И сразу сообразит, что я не его бывшая жена, — поняла наконец, о чём хотел предупредить меня проводник.

— Жалеть тебя он точно не будет, — кивнула нянюшка.

— Расскажи, Аглая, как получилось, что князь Воронцов уличил супругу в измене? — решила я сразу разъяснить это дело. — И почему он уверен, что ребёнок не от него?

— Ох, сама толком не понимаю, как так вышло, — покачала головой женщина. — Машенька слишком доверчивая была, наивная. Батюшка её один воспитывал, пылинки с неё сдувал, берёг пуще злата. Матушка-то от горячки умерла после того, как родила дочь.

Теперь понятно, почему никаких образов матери Марии не всплывало у меня в голове, только лицо отца.

— Граф Третьяков, аки змей-искуситель, сначала с князем дружбу завёл, потом его Александр Григорьевич к делам своим фабричным привлёк. Граф всегда вежливым прикидывался, улыбался, комплиментами Машу одаривал, но всё было в приличиях, — продолжала женщина, вытирая глаза

платочком, воспоминания снова дали волю слезам. — Борис то якобы случайно в парке Марию встретит, то в церкви, то в лавке, словно подкарауливал её везде. Люди их часто видели вместе. А я говорила Маше, что не нравится мне этот граф, смутян он. Но она называла Бориса добрым и благородным дворянином, другом семьи. А оно вона как вышло.

Нянюшка замолчала, переводя дух; слёзы не останавливались и текли по её щекам.

— Зимой приехали хранцузы из самого Парижу, торговые дела были у них с князем, — продолжила Аглая, немного успокоившись. — И вот однажды воротился Александр Григорьевич домой весёлый, довольный. Мол, договор заключил выгодный с хранцузами, вечером праздновать собрались в ресторации, где в гостинице те иноземцы номера снимали. Маше сказал, чтобы готовилась, с ним поедет на ужин. Она так обрадовалась — давно никуда с мужем не выходила, всё по дому хлопотала да с Анечкой занималась. Платье лучшее надела, причёску красивую ей Марфа сделала.

Женщина снова замолчала. Я не торопила Аглаю, понимая, как тяжело ей даётся этот рассказ.

— Машенька сказывала, что сначала всё хорошо шло. В ресторации гостей сытно кормили, поили, музыканты играли, даже танцы устроили. Граф Третьяков там, конечно, тоже был, — вздохнула нянюшка. — Машенька говаривала, веселилась от души, общалась со всеми, а потом вдруг почувствовала себя дурно. Мужу не сказала ничего, тот занят был

разговорами, и ушла в уборную, а когда вышла, встретила Бориса в коридоре. Тот заметил, что она бледна, и вызвался помочь, предложил отвести в свободный номер, чтобы Маша отдохнула там. Обещал вызвать лекаря и сообщить князю. Она и согласилась на беду свою.

— Кажется, я догадываюсь, что произошло дальше, — решила я высказать свою версию, видя, что моральные силы у Аглаи закончились. — Похоже, Машу опоили чем-то, ей стало плохо. Третьяков отвёл Марию в комнату, лекаря, конечно, не вызвал. Вместо этого он уложил княгиню на кровать, платье снял, да и сам, наверное, разделся. Князю кто-то шепнул на ушко, что его жена с графом поднялась наверх. Тот и появился в самый пикантный момент.

— Ох, почти так и было, — кивнула нянюшка. — Только платье Борис с неё не снимал, просто юбки задрал, а сам портки спустил. Думаю, Машеньку и в самом деле чем-то опоили.

— Как же князь не понял, что жена не в себе? — настоятельно меня этот момент.

— Он тогда озверел, увидев стонущую жену на кровати с задранными юбками и Бориса рядом без портков. Если бы не Алексей Николаевич Потапов, который следом поднялся, князь бы точно убил графа. Алексей сдюжил с другом и выволок его из номера, чтобы, не приведи господь, тот смертный грех на душу не взял. Алексей Николаевич всё это потом на суде рассказывал.

— И никто не помог Марии? — не верилось, что окружающие не заметили, в каком состоянии находилась княгиня. Князь, понятное дело, в аффекте был и не понял, что супруга под дурманом.

— Никто, — покачала головой Аглая. — Машу так и оставили в комнате. Утром она проснулась одна, с головной болью, ничегошеньки не помнит — только, как граф Третьяков помощь свою предлагал, и всё. Ох, скандал был на всю Москву. Александр Григорьевич в духовный суд заявление подал, свидетелей откуда-то нашёл, они и показали, что якобы Мария в том заведении не раз с графом в нумере уединялась. Сама она перед князем только ревела. слова вымолвить не могла. Боялась, что Борис надругался над ней, пока она не в себе была. А через месяц Машенька поняла, что беременна. Молчала, никому не говорила, что ребёнка ждёт. Я уж сама догадалась, когда её по утрам выворачивать стало да женских дней давно не было.

— Значит, Мария точно не знала, кто отец ребёнка? — я положила ладонь на чуть выпирающий живот. Хотя меня этот факт мало волнует, лишь бы с малышом всё было в порядке после всех стрессов, которые пережила княгиня.

— Нет, — тяжёлый вздох вырвался из её груди. — Оттого она пуще страдала, аппетит пропал, исхудала. Князь с Анечкой видаться разрешил только перед обедом, да и то под контролем няни или Натальи Григорьевны.

— Кто это? — в голове всплыл образ довольно молодой

привлекательной сероглазой женщины с тёмными волосами, уложенными в пышную причёску.

— Старшая сестра князя. Это из-за неё Маша не смогла Маркизу забрать, — кивнула женщина на коробку с кошкой и притихшими котятками. — У Натальи от них чихота началась и глаза слезились. В доме не держали животных совсем.

— Понятно, — значит, аллергия мучила женщину. Но теперь мне не давал покоя другой вопрос. — Аглая, как думаешь, кто подстроил измену Марии и хотел отравить её?

Глава 10. Нужные находки

Глава 10. Нужные находки

— Не ведаю, милая, — покачала головой нянюшка. — Машенька никому зла не делала, со всеми старалась быть доброй. Даже не знаю, кому она помешать сумела.

— А князь мог это подстроить? Может, он хотел избавиться от жены? — его пока точно не стоит сбрасывать со счетов. — Потом строил из себя оскорблённого мужа.

— Ему какой прок? Не скажу, что хозяин любил Машеньку так же сильно, как она его, но никогда не обижал супругицу и довольно ласков был с ней, — вздохнула женщина. — Анечку любит, хоть по началу расстроился, что не сын родился, однако ж теперь в ней души не чает.

— Значит, о сыне мечтал, — я снова погладила свой живот. Няня, конечно, видела только внешнюю сторону отношений супругов, но мотив может быть скрытым. — Аглая, ты останешься теперь, когда всё узнала обо мне? — с надеждой посмотрела я на нянюшку. Без её поддержки мне будет нелегко.

— Конечно, — её губы дрогнули в полуулыбке, глаза опять заблестели от влаги. — Идти мне некуда, да и одной тебе совсем тяжело будет. Душа хоть и чужая, а тело Машеньки, к тому же дитя в твоей утробе растёт. Мой долг быть рядом с тобой, может, господь простит мои грехи и что не убе-

регла я свою любимицу.

— Спасибо, Аглая, — я пожала сухую ладонь женщины.
— Пусть это будет нашей тайной. Кстати, а какое число сегодня и год?

— Второе июня одна тысяча восемьсот шестьдесят пятый.

— На сто шестьдесят лет назад меня забросило, — прикинула я в уме. — Ну ничего, жили же как-то люди в этом времени, значит, и мы не пропадём.

— И то, хватит слёзы лить, — встрепенулась нянюшка, встав с табурета. — Обедом кормить тебя пора.

— Что же мы есть будем? — ахнула я, понимая, что ничегошеньки нет у нас.

— А вот это, — и женщина поставила на табурет корзину, с которой она приехала. — На сегодня нам хватит. Взяла провианту из княжеской кухни. Матрёна тебе вот собрала пирогов, точнее для Маши. Уж она к ней хорошо относилась, в отличие от других слуг, и не верила, что княгинюшка могла прелюбодействовать.

Нянюшка достала завернутые в полотенце печёные пирожки, краюху хлеба, пару варёных яиц, колесо копчёной колбасы и даже кусок домашнего сыра.

— Топлёное молоко, только утром из печи достала, — вытащила она крынку, обвязанную белой тканью, и поставила её на стол.

— Вот это да! Столько еды! — не верила я своим глазам.
— Спасибо, Аглая, за заботу.

— Ешь, силы тебе нужны, — улыбнулась женщина. — Я теперь понимаю, почему ты не умерла от отравы. Твой дар переборол яд. Кабы не он, ты бы точно не выжила или ребёнка скинула бы.

— Наверное, — задумалась я, взяв пирожок, и откусила его. — Вкусно-то как. Никогда таких не ела.

А потом попробовала остальное. Вот это действительно был настоящий восторг. Натуральные продукты: колбаса без сои, красителей и консервантов, сыр без заменителей жира, молоко не разбавленное, не порошковое. Никогда не ела такие привычные в моём времени, но невероятно вкусные продукты.

— Останется ещё на вечер и даже на утро, — Аглая убрала со стола оставшиеся припасы в корзину. — Пойду поставлю в кладовку, там сохраннее будет. Завтра сходим на рынок, запасёмся провиантом, да водовоза надо будет попросить бочку воды хорошей привезти. Ох, сколько всего сделать потребно.

— Это точно, — кивнула я. — Некогда расслаиваться. Пора делом заняться, в спальне порядок навести, вещи разобрать.

— Маша, мы, конечно, сейчас с тобой сдюжим, пока лето и пока ты не тяжёлая, — кивнула она на мой живот. — Дитя родится, ты ведь совсем мне не помощницей будешь, да и я уже не такая крепкая. Мужика нам в дом надобно.

— Какого ещё мужика? — опешила я.

— Как какого? Чтобы дрова рубил, двор подметал, траву косил, снег зимой убирал, воду в баню таскал — полно работы для мужика найдётся.

— Вы имеете в виду слугу, — выдохнула я, сообразив. — Ему ведь платить придётся.

— А что поделать? Без мужицкой подмоги мы не справимся, особенно зимой.

— Да, ты права, — вздохнула я, а потом улыбнулась. Не время руки опускать. — Надо, значит, надо. Найдём кого-нибудь. А деньги у нас будут, не пропадём.

— Ох, точно не моя Мария, — по-доброму взглянула на меня нянюшка и направилась в кладовую, которая находилась за смежной дверью.

Не знаю, какой была прежняя хозяйка этого тела, а я определённо не собираюсь горевать и убиваться по прошлой жизни.

Коробку с Маркизой я оставила на кухне. Аглая отвела меня к колодцу на заднем дворе и показала, как набирать воду. Я заметила немало хозяйственных построек, которые раньше использовались по назначению. Вода оказалась действительно не очень чистой, такую только кипятить и фильтровать, чтобы хоть как-то в пищу употреблять, но я не уверена насчёт вкуса. Придётся покупать у водовоза. Сколько, интересно, стоит это удовольствие?

Набрав половину деревянного ведра, которое нашла Аглая в кладовке, я поднялась на второй этаж. Работы предсто-

яло много, и нужно успеть до темноты, электричества ведь нет. Честно говоря, даже не помню, когда оно появилось в московских домах. Вроде в конце девятнадцатого века.

Работа закипела в моих руках: я вытерла пыль с мебели, протёрла окна ветошью, которую нашла Аглая всё в той же кладовой. Когда начала мыть пол, ощутила в полной мере, что я не в своём теле. Мария, конечно, никогда не занималась чёрной работой по дому, и её мышцы были не привычны к нагрузке. Руки немели, пальцы сводило от холодной воды, поясница начала ныть. Едва хватило сил домыть пол. Чую, завтра аукнется мне эта бурная деятельность.

В гардеробной я тоже навела мало-мальскую чистоту, чтобы было куда разложить вещи из сундуков и коробок. Их стояло в комнате немало, зато как же я обрадовалась, когда обнаружила внутри ворох постельных принадлежностей: пуховые одеяла, подушки, белое бельё с кружевной отделкой. Видимо, это тоже входило в приданое, когда Мария выходила замуж. Значит, князь не крохобор, всё вернул бывшей жене. Постель я застелила, когда уже летние сумерки опустились на Москву.

Неразобранных коробок и саквояжей оставалось ещё прилично. Подумав, что разберу их завтра, я вдруг заметила полукруглый верх деревянного сундучка с ручкой, он был перевязан верёвками.

— Да неужели! — ахнула я и принялась вытаскивать довольно тяжёлый сундучок. На боку красовалось название

знаменитого американского производителя швейных машинок “Singer”.

— Глазам своим не верю! — взяв за ручку, я подняла деревянный кофр и поставила его на комод. Пальцы торопились развязать узлы на веревке. Едва справившись с ней, я наконец-то подняла высокую крышку.

— Швейная машинка! Практически новая! — восторгу моему не было предела. — Господи, спасибо!

Я коснулась махового колеса, оно довольно лёгко двигалось. Значит, машинкой пользовались, узлы механизмов, надеюсь, тоже смазаны и работают отлично. Я так обрадовалась находке, что не терпелось поделиться с Аглаей. Вот только темно уже стало в доме. На туалетном столике я видела подсвечник с оплавленной свечой. И как мне её зажечь?

Взяв подсвечник, я почти наощупь спустилась по лестнице. На кухне Аглая тоже успела навести порядок, отмыла мебель и утварь, расставив всё по местам. На столе стоял большой медный самовар, начищенный до блеска. Рядом горела свеча на металлической подставке, тускло освещая помещение.

— Ух ты! Настоящий самовар! Тульский? — я поставила принесённый подсвечник рядом на стол. Позже подожгу, когда в комнату пойду.

— Он самый. Нашла вот во дворе, песочком почистила, — улыбнулась Аглая, обернувшись, и продолжила хлопотать у второго стола. — А у вас разве самоваров нет?

— Таких точно нет, разве только в музеях их можно встретить, — я присела на деревянный табурет. Ноздрей коснулся едва уловимый запах дыма, исходящий от самовара. Дотрогнувшись до медной поверхности, тут же отдернула руку. — Горячий! Значит, чай будем пить? Откуда же ты воду взяла?

— В кадке немного было, видимо, Васька оставил. Да иван-чай в туюське нашёлся, — женщина повернулась и подошла ко мне, поставив на стол тарелку с нарезанными колбасой, сыром и хлебом. — Умаялась, поди?

— Да, устала. Аглая, а как ты свечу зажгла?

— Коробок спичек прихватила с собой, — хитро подмигнула мне женщина. — Ты ешь давай. Потом покажу, что ещё я нашла в кладовой.

— Неужели мешок картошки? — первое, что пришло мне на ум.

— Не угадала, — нянюшка поставила под краник самовара керамическую кружку и налила кипятка. — Только не ведаю, что с этим добром делать.

— Заинтриговала, — я принялась уплетать еду — проголодалась очень, потратив кучу сил на уборку.

— А я швейную машинку нашла среди вещей, — решила я всё же похвастаться находкой. — Мария умела шить?

— Да, домашние наряды для себя и дочери, иногда кукол обшивала, — грустно улыбнулась женщина, разливая чай. — Это князь подарил ей, когда Анечка родилась. Мария любила заниматься шитьём, вот супруг и исполнил её мечту о ма-

шинке. Ох и дорогая же вещь, из самой Америки, говорят.

— Понятно, — кивнула я. Оказывается, у нас с княгиней были общие интересы. С ужином я быстро расправилась, правда, чай не допила. Не терпелось посмотреть, что же наша нянюшка. — Показывай, что там в кладовой.

Аглая взяла свечу и направилась к двери. Мы вошли в небольшое узкое помещение без окон. Я разглядела вдоль стен деревянные стеллажи, на которых стояла различная утварь. Нянюшка тут ещё не успела навести полный порядок.

— Вот, гляди, — она указала на нижнюю полку в конце кладовки и ближе поднесла свечу. Я увидела несколько длинных мешков с пришитой белой биркой.

Глава 11.Первая ночь

Глава 11.Первая ночь

— Сукно аглицкое, десять сажений, — разобрала я корявые буквы на бирке и развязала верхний мешок.

Нос учуял аромат лаванды — видимо, от моли положили саше. В мешке действительно оказался целый рулон серой шерстяной ткани довольно хорошего качества.

В трёх других мешках обнаружилось такое же сукно и ещё в двух — рулоны белого поплина.

— Откуда это добро? — удивлённо посмотрела я на нянюшку.

— Поди Васька умыкнул со склада княжеского, — фыркнула Аглая. — Да только, видать, не успел вовремя забрать.

— А если кто хватится недостачи? — я завязала мешки. — И потребуют вернуть ткань?

— Это вряд ли. Скорее кладовщик сдерёт с работников, чем будет искать пропажу. Не переживай, никто сюда не явится.

— Надеюсь, — задумалась я. — Однако хорошая находка.

— Только что делать с ней будем? Может, в лавку текстищика сдадим по дешёвке? — предложила няня самый простой вариант.

— Только не это, — я закусила губу. — Машинка швейная есть. Я подумаю, что из этого можно сшить. Готовая

вещь всегда стоит дороже.

— Ткань хорошая, точно не для простого люда. На рынке такое дорого не продашь, — осадила меня Аглая.

— Подумаю об этом завтра, — вздохнула я, зевнув. — Голова уже не варит, спать хочется.

— Конечно, иди с богом, отдыхай, — Аглая двинулась в сторону выхода.

— Нянюшка, а где же твоя комната будет? — вдруг вспомнила я о том, что она весь день потратила на уборку кухни.

— Туточки и заночую на тюфяке, — женщина кивнула в угол кухни.

— Это не дело. Завтра же тебе подберём комнату. Благо их тут немерено, — возмутилась я.

— Не переживай, Маша, за кухней есть комната, где раньше ключница жила. Завтра там порядок наведу и устроюсь, — улыбнулась женщина. — Мне в самый раз будет.

— Хорошо, — успокоилась я. Взяв со стола свечу, с которой сюда пришла, подожгла её от горящего фитиля. — Спокойной ночи, Аглая.

— И тебе, Мария, доброй ночи. Не забудь сказать перед сном: «На новом месте приснишь жених невесте», — таинственным голосом произнесла она.

— Бог с тобой, нянюшка. Какой ещё жених? — улыбнулась я, положив руку на живот. — Да и кто меня разведённую замуж возьмёт?

— И то верно, — грустно вздохнула женщина. — Была бы

вдовой, взяли бы и с дитём. Типун мне на язык, — сплюнула она через левое плечо.

— Мне без женихов есть чем заняться, — попыталась я отшутиться, присев над коробкой, где спала Маркиза с приплодом. — Вот и неожиданное прибавление у нас случилось сегодня, а осенью мне предстоит стать мамой.

В сердце разлилась теплота от этой мысли. Именно о сыне я думала, когда легла спать. За окном было темно, на небе мерцали редкие звёзды. Завтра наступит новый день, и мне предстоит решить новые задачи. Веки наливались свинцом, дыхание становилось размеренным и тихим. Перина с одеялом словно облака приняли меня в свои тёплые объятия.

— На новом месте приснись жених невесте, — засыпая, прошептала я зачем-то это поверье.

И мне действительно приснился сон, снова из прошлого Марии.

Запахавшись, я вбежала босиком в шатёр. Прямо передо мной лежал широкий топчан, застеленный лоскутными одеялами. На низеньком столике стояла одинокая свеча, тускло освещающая странное жильё. На мне был необычный наряд, совсем не похожий на платье дворянки: длинная красная юбка с воланами и блузка в цвет с запахом, открывавшим соблазнительную ложбинку на груди.

Я встряхнула распущенными волосами, убирая их за спину. С головы слетел платок, упав на ковёр. Вдруг талию обняли крепкие руки, притянув меня к широкой груди.

— Тебе очень идёт наряд цыганки, — горячее дыхание коснулось моей шеи, вкрадчивый шёпот будоражил до мурашек. — Моя жена, люблю тебя...

В знакомом мужском голосе звучала страсть, а я таяла от ласковых губ, касающихся моих обнажённых плеч. Хочу ещё поцелуев, нежных... горячих...

Я повернулась к мужу и утонула в его синих глазах.

— Машенька, — князь тяжело дышал от возбуждения, — эта ночь наша. Никому не отдам тебя.

Его слова тронули моё сердце, которое и так учащённо билось в груди. Я обвила руками мужскую шею, потянувшись к желанным губам. Воронцов тоже был одет, как настоящий цыган: расстёгнутая красная рубаха, чёрные штаны, подпоясанные кожаным кушаком. Почему мы были в таких костюмах, я не знала, но меня больше волновал сам князь. Голова шла кругом от терпкого аромата, исходящего от его рук, что обхватили моё лицо.

— Ты нужна мне, — синие глаза пронзительно смотрели на меня, и наконец-то горячие губы со вкусом можжевельника коснулись моих уст, властно требуя ответа. И я отдалась желанию принадлежать этому мужчине. Будь что будет, но эта ночь точно наша...

Глава 12. Поход на рынок

Глава 12. Поход на рынок

Открыв глаза, я не сразу сообразила, где нахожусь, но в памяти быстро всплыли события прошлого дня. Хотела по привычке потянуться и вдруг ощутила, что мышцы одеревенели, а всё тело ноет от вчерашнего усердного труда. Как я и думала, Мария к физическому труду была непривычна. За окном солнце поднялось уже довольно высоко, а нянюшка меня, конечно, не стала будить. С трудом я села в кровати.

Ощущала я себя старой клячей — но ничего, нужно двигаться, и станет легче. Вчера в гардеробной я развесила несколько повседневных платьев, которые мне точно пригодятся. Бальные и вечерние так и оставила в сундуках, вряд ли я их вообще когда-то надену. Приглашений ждать не стоит, теперь я персона нон-грата в высших кругах.

В уборной я заметила унитаз в виде стульчика с дыркой, под которым стояло обычное жестяное ведро. Не на улице — и на том спасибо. На столе были выставлены кувшин с водой и небольшой медный таз, рядом лежало чистое полотенце. Наверное, Аглая по привычке заботится обо мне.

Справившись в уборной, я направилась в гардеробную, надела простое платье из бежевой хлопчатобумажной ткани. Насколько я помню из истории костюма, с утра женщины корсетов не носили. Надо будет сшить себе бюстгальтеры и

бюстье. Корсеты сейчас мне противопоказаны, даже специальный для беременных, который носила Мария. Как позже докажет медицина, лучше совсем без него.

Причесавшись, я заплела обычную косу и закрутила её пучком на затылке. Шпильки и гребень я нашла в небольшом специальном несессере, где хранились различные аксессуары для волос. Там же нашлись баночки с пудрой, румянами и кремами, над которыми я зависла, изучая их. Особенно меня порадовали найденные куски ароматного мыла и флакончик французских духов моей любимой фирмы. Вот уж действительно неожиданно. Неужели из самого Парижа? Скорее всего, это дорогой подарок от князя, ведь раньше духи покупали мужчины для своих дам. Цветочный аромат оказался несколько резковат для меня, но я не удержалась и нанесла капельку духов на шею и на запястье — может, через некоторое время шлейф мне понравится больше.

Спохватившись, что долго провозилась с содержимым несессера, я поспешила на первый этаж. Аглая, наверное, уже давно проснулась и трудится вовсю.

Кое-как я спустилась по лестнице на негнущихся ногах и сразу заметила, что в холле стало чище, мусора нет и даже пол подметён.

— Аглая! — войдя в просторную гостиную, я остановилась и замолчала, удивлённо разглядывая незнакомку возле камина. — Здравствуйте. Простите. Вы кто?

Темноволосая женщина лет сорока в сером платье и пе-

реднике, чистившая камин, подняла голову от работы.

— Доброго дня вам, барыня, — поздоровалась она, встав с колен. — Меня зовут Настасья. Фёдор Михайлович меня к вам послал на подмогу. Я тут смотрю, у вас работы непочатый край.

— А вот и Мария Павловна проснулась, — в комнату вошла нянюшка, вытирая руки о фартук. — Познакомились? Ну и ладно. Как чувствуешь себя, Машенька?

— Ужасно, — простонала я, схватившись за поясницу. — Всё тело болит.

— Немудрено. Ты давай-ка иди на кухню завтракать, а потом на рынок пойдём, пока свежие продукты все не раскупили, — улыбнулась Аглая.

— Почему ты меня не разбудила? — тихонько возмутилась я, выходя из гостиной.

— Ты вчера так умаялась, спала аки младенец, — доброта и забота сквозили в её голосе. — Жалко мне стало будить тебя спозаранку. Ты работай, да не переусердствуй, не забывай, что дитё под сердцем носишь.

— Твоя правда, нянюшка, — вздохнула я, входя на кухню.

Остатки еды с княжеского стола мы доели, нужно было идти на рынок. Маркизе я отдала последние полкружки топлёного молока. Она, вылакав досуха плошку, вернулась в коробку к котяткам.

— Вот тебе корзина поменьше, — Аглая поставила плетёное изделие на табурет, — я себе побольше возьму. Деньги

не забудь.

— Ой, точно, — ахнула я. — В этом платье можно в город выходить? — решила я всё же уточнить у нянюшки.

— Можно, только юбок нижних маловато. Шаль накинь да голову прикрой, — улыбнулась женщина.

Пришлось снова подниматься по лестнице, преодолевая боль в мышцах. В середине девятнадцатого века пышные юбки и кринолин были неотъемлемой частью гардероба. Мне, как дворянке, пришлось отдать дань моде, и я добавила пару нижних пышных юбок; теперь ходить стало ещё труднее. Придётся привыкать. Накинула на плечи ажурную шаль, надела простую шляпку и лёгкие кожаные ботиночки на шнуровке вместо домашних балеток. Деньги положила в ридикюль из плотной ткани и прицепила его к поясу, спрятав в складках юбки, — так надёжнее будет.

— Надо торопиться, небо что-то хмурится, — Аглая беспокойно посмотрела на облака, когда мы вышли из дома. — Кабы дождь не пошёл.

За калиткой нас ждали узкие московские улицы с пыльной мощёной дорогой. До рынка путь был неблизкий, пока мы добрались, времени ушло прилично. Солнце совсем спряталось за тучки и поднялся ветер.

— Торговаться буду я, а ты рядом молча стой, — скомандовала Аглая, когда мы вошли в торговые ряды.

Чего тут только не было! Глаза разбегались от обилия товаров. Я рассматривала прилавки скорее из любопытства,

всё же первый раз вижу подобные реалии, которые словно сошли с исторических картин.

Погода портилась, продавцы с охотой торговались с Аглаей, снижая цену. Женщина оказалась профи в этом деле, и покупки получились довольно выгодные: топлёное масло, молоко, яйца, масло растительное, крупы, небольшая сахарная голова, корнеплоды. Хлеб мы купили в лавке булочника.

С полными тяжёлыми корзинами мы двинулись в обратную сторону. На выходе с рынка Аглая попросила у меня копейку и подошла к какому-то мальчишке, назвав ему адрес дома, куда нужно привезти бочку воды. Это был сын одного из водовозов, которого знала Аглая. Сказала, воду доставит хорошую, правда, придётся отдать за это полрубля, да ещё приплатить, если попросить мужика закатить бочку в дом. Да, помощник и правда нам нужен. Только где ж его взять?

— Надобно бы нам мешок муки купить, хлеб я сама могу печь, так дешевле будет, — рассуждала вслух Аглая, идя по дороге. — Да и мешок картошки выгоднее. Только придётся извозчика просить всё это доставить к дому.

— Да, ты права, оптом оно всегда дешевле, — согласилась я с ней.

Пока мы шли, начал накрапывать дождь, который грозился вот-вот превратиться в настоящий ливень. Аглая предложила свернуть к церкви и спрятаться там. Некоторые прохожие тоже поспешили туда. Нищие на паперти, завидев состоятельную клиентуру, начали усердно креститься и просить

подавания.

— Помогите, Христа ради!

— Не откажите, сударыня-благодетельница, — тянулись руки в нашу сторону. — Муж умер, а у меня семеро детей. Кормить их некому.

Я было хотела дать женщине что-нибудь съестное из корзины, но Аглая меня остановила.

— Денег ей надобно, — фыркнула она, — это же Фёкла из банды попрошаек. Знаю я её, муж у неё у другого прихода так же трудится с протянутой рукой.

Я удивлённо посмотрела на няню и достала пару медяков, подав их нищим.

— Господь благословит вас за щедрость, — крестилась женщина.

Мы вошли в церковную лавку — и как раз вовремя, дождь вовсю забарабанил по крышам. В помещении было тесно, зато приятно пахло пчелиным воском и ладаном. Аглая предложила взять несколько свечей, чтобы поставить их дома перед образами. Я согласилась. Вот только такими темпами денег, полученных от князя, нам точно не хватит. Нужно скорее придумать, куда применить найденные рулоны сукна и поплина.

Когда дождь утих, мы вышли на улицу. Часть нищих разбежалась, но некоторые остались, несмотря на ни на что. И вдруг я обратила внимание на крепкого мужика с длинной бородой. Он расположился прямо на траве возле ворот, сжи-

мая в руках войлочную шапку, старый зипун на нём весь промок, с седых волос стекали капли воды. Видимо, так и сидел под дождём. Но мне бросилось в глаза то, что он мерно раскачивался, словно в трансе, и ни на кого не обращал внимания.

— Пойдём, Маша. Али этому юродивому подать хочешь?
— нянюшка тронула меня за рукав.

— Нет, Аглая, погоди немного, — и я направилась к нищему.

Глава 13. Новый работник

Глава 13. Новый работник

— Здравствуй. Как тебя зовут? — заговорила я с мужем, но тот даже не обратил на меня внимания и продолжал слегка раскачиваться. Тогда я присела и коснулась его руки, повторив вопрос: — Как тебя зовут?

Мужчина не дёрнулся, вопреки моим опасениям; он сначала замер, а потом поднял на меня взгляд.

— М-м-м... Ми-рон, — промычал он имя, и снова опустил взор на свои руки, сжимающие шапку.

— Меня зовут Мария, — размеренно говорила я. — Ми-рон, тебе нужна работа?

Мужик кивнул. С неопрятной бородой он выглядел старым, но, приглядевшись, я поняла, что ему ещё и шестидесяти нет.

— Барыня, возьмите горемыку к себе, — рядом неожиданно возникла Фёкла, та самая профессиональная попрошайка. — Мирону много не надо: пропитание да крыша над головой.

— Ты знаешь его? — посмотрела я на женщину, выпрямившись.

— Как не знать. Мы с ним одному барину служили. Когда свободу дали крестьянам, наш хозяин вскорости разорился, а нас по миру пустил. Вот мы в город и подались, да только

никто не хочет брать на работу, полно нас таких горемычных, — вздохнула Фёкла. — Мать Мирона ключницей была ещё при старом барине, — понизила она голос. — Поговаривают, что Мирошка его сын, вот барин юродивого и оставил при себе служить. Мать научила его с горем пополам работе всякой по дому, да только полоумный он, почти не разговаривает, зато всё понимает.

— Это я и так вижу. — Значит, не ошиблась я, имея некоторый опыт за плечами.

— Мирон на фабрику пытался устроиться, да только шумно там очень, а он не терпит громких звуков. Даже когда колокола звонят, уши затыкает, — продолжала нищенка. — Возьмите его, барыня, он добрый, не буйный, трудолюбивый, безделушки всякие мастерить умеет.

— Как раз предлагаю ему пойти со мной, — я снова присела, положив ладонь на обветренные руки мужика. — Мирон, будешь работать по дому? Двор подметать, дрова рубить, баню топить да ношу тяжёлую иногда таскать? А я буду тебя кормить, комнату отдельную тебе выделю с койкой.

— Бу-ду, — кивнул он, и его взгляд ненадолго задержался на моём лице.

— Отлично. Тогда пошли, — улыбнулась я, довольная тем, что нашла помощника.

— Спасибо вам, барыня, — поклонилась мне Фёкла. — А то я уже устала защищать его от своих. Он же не из наших, ходит по приходам где вздумается. Вот его и гонят, даже по-

били один раз.

Я ничего не ответила и пошла к Аглае, которая наблюдала за нами в сторонке. Мирон поднялся с насиженного места и тяжёлой поступью пошёл за мной. Он оказался довольно высокого роста, поджарый.

— Маша, ты чего удумала? — нянюшка смотрела на меня круглыми глазами.

— Знакомься, Аглая, это Мирон, — указала я на мужика. — Он будет служить у нас, помогать тебе по дому. Найдём для него угол, кормить три раза в день да копейку какую давать на личные нужды.

— Мирон, — повернулась я к работнику, — это Аглая, она главная по дому, будет говорить тебе, что делать.

Мужик мельком посмотрел на нянюшку и кивнул.

— А если он буйный? — тихо прошипела женщина мне на ухо.

— Фёкла говорит, он спокойный и работающий, — улыбнулась я. — Не переживай, Аглая,ладишь с ним. Если что, я помогу тебе. У нас медики называют таких людей аутистами. Мой племянник, к сожалению, родился с этим расстройством. Мы с сестрой курсы специальные проходили, как с такими детьми общаться, помогать им и научить необходимым навыкам. Специалисты из нашего века такие методики разработали, что их можно и ко взрослым применить.

— Ничего не поняла, что ты сказала. Ну смотри, Маша, кабы чего не вышло, — вздохнула няня, но перечить больше

не стала. — Мирон, возьми у Марии корзину, — решила она сразу испытать работника.

Мужик молча протянул ко мне руку в ожидании. Я передала ему корзину — от тяжести уже болели руки. Он взял ношу и молча пошёл рядом. Так мы втроём благополучно добрались до дома. И как раз вовремя. Стоило только открыть калитку, как донёсся крик извозчика: «Тпру-у-у! Стой, родимая!»

Напротив ворот остановилась повозка, гружёная небольшими деревянными бочонками.

— Барыня, воду надобно? — на козлах сидел дородный мужик в приличном кафтане. Он свысока смотрел на нас, подкручивая пальцами пышные чёрные усы.

— Да, — кивнула я, поняв, что подоспел заказ Аглаи.

— Тады забирайте. С вас пятьдесят копеек! — а сам даже не шевельнулся.

— Мирон, сними одну бочку с телеги и отнеси в дом, пожалуйста, — я тронула нового работника за руку, забрав у него корзину с продуктами. Он кивнул, поспешив исполнить мой наказ. Я переживала, по силам ли будет ему ноша, всё же не молод. Но я зря волновалась. Мирон лихо стащил верхний бочонок и закинул его на плечо. Он, конечно, согнулся под тяжестью, но выстоял и не спеша пошёл к дому.

— Спасибо, — я открыла кошель и, отсчитав нужную сумму, подошла к извозчику, протягивая ему монеты. — Благодарю.

— Барыня, по каким дням воду вам привозить? — мазнул по мне взглядом нахал.

— Через день, — гордо подняла я голову, посмотрев на мужика.

— Замётано, красавица, — ухмыльнулся он и взмахнул вожжами, ударив лошадь. Повозка покатилась дальше по дороге.

— Ох и курощуп* этот Игнат, — вздохнула нянюшка, покачив головой. — Но зато дело своё знает, вода у него хорошая, бочки вовремя чистит.

— Неприятный тип, — согласилась я, направляясь к дому. — Пойдём скорее, хочу сегодня присмотреть комнату под мастерскую. И надо Мирону подобрать из одежды что-нибудь приличное. Остались ли какие-нибудь вещи от отца Марии?

— Лежат в его комнате в сундуках. Машенька так и не решила, что с этим добром делать, — вздохнула нянюшка.

— Замечательно, наведу ревизию там, — улыбнулась я, видя, что Мирон покорно стоит у порога в ожидании, когда откроют дверь.

(*) Курощуп - бабник (уст)

Глава 14. Хлопоты

Глава 14. Хлопоты

— Давай-ка накормлю тебя, а потом воды в баню натаскаешь. Отмыть тебя надобно сначала, — по-доброму ворчала Аглая, обращаясь к Мирону и разбирая продукты из корзин. — И мы с Машей заодно попаримся.

— От баньки не откажусь, — улыбнулась я, предвкушая долгожданные водные процедуры.

— Обед ещё надо варить, работников кормить. Настасья скоро залу всю отмоет, — заохала нянюшка — на её плечи легла эта забота.

— Пойду посмотрю одежду для Мирона. Может, найду что подходящее, — я вышла из кухни.

Проходя через большую гостиную, в которой, наверное, проводились праздничные вечера, я заметила, как чисто там стало. Настасья домывала пол.

— Барыня, занавески надобно повесить да мебель расставить, — улыбнулась мне женщина, заметив моё появление. — Я уже заканчиваю.

— Кажется, я видела в гардеробе мешки с портьерами и тюлем. Но мебель пока повременим сюда переносить, — задумалась я, разглядывая большие окна, которые выходили на южную сторону, обеспечивая хорошее естественное освещение.

— Как скажете, Мария Павловна, — пожала плечами женщина и принялась дальше мыть пол.

Зал — идеальное помещение для мастерской, с учётом того, что электрического освещения пока не существует. Всё равно я не собираюсь устраивать балы и принимать гостей. Значит, будем оборудовать эту комнату под швейную мастерскую. Вдохновившись этой мыслью, я поднялась в покои, которые принадлежали отцу Марии.

Конечно, нецелесообразно наводить полный порядок во всём доме. Это же будет бесконечная уборка, а у нас с Аглаей нет столько времени и сил. Да и зачем нам много помещений? Зал-мастерская, гостиная, столовая, библиотека и моя комната на втором этаже — этого хватит с лихвой. Когда сын подрастёт, обустрою ему детскую, а дальше видно будет. В остальных комнатах станем поддерживать температуру зимой и обеспечивать необходимую циркуляцию воздуха, чтобы плесень не завелась.

В покоях бывшего хозяина вся мебель была покрыта чехлами. В гардеробной стояли сундуки с вещами барина. Я заглянула в парочку и пересмотрела одежду. По росту одежда должна подойти Мирону, а вот по размеру великовата. Не страшно, главное, что не наоборот. Ушить легче, чем наставлять. Я выбрала для мужчины пару кальсон, суконных брюк, простых хлопковых рубашек, один жилет и серый сюртук. Не забыла про обувь, сапоги из натуральной кожи. Может, впору будут. Потом ещё выберу для него одежду попроще, а

остальное отнесу к старьёвщику, лишней копейка не будет.

Когда я принесла все эти вещи на кухню, положив их на табурет, Аглая посмотрела на мои находки и хмыкнула, не отрываясь от работы. На плите варилась похлёбка, в топке горели дрова, отчего в помещении стало жарковато, несмотря на открытое окно.

— Ну, Мирошка как барин будет у нас ходить, — продолжала она резать картофель.

— А пусть ходит. Не жалко, всё равно вещи пропадут. Где он сам, кстати?

— Баню топят. Вроде понимает меня, слушается, — пожала она плечами. — Дрова надо будет покупать. Запасу на месяц хватит. Лучше чурками, так дешевле, а Мирон потом расколет.

— Хорошо, — кивнула я, задумавшись. — Аглая, как думаешь, есть смысл шить из сукна, которое лежит в кладовой, форменную одежду, например для работников гостиницы, ресторана или трактира?

— Для халдеев, что ли? — изогнула брови женщина, мешая суп длинной деревянной ложкой. — Ведаю только про трактирных. Они сами себе одёвку покупают, а про ресторации и гостиные подворья ни сном ни духом. Чего удумала, рассказывай.

— В моём времени у каждого ресторана, отеля есть своя форма уникального покроя, которая выделяет их среди конкурентов, — решила я поделиться мыслями. — Вот и поду-

мала: может, поискать там клиентов на пошив одежды. Серое сукно и белый поплин навевают мысли только о форменной одежде.

— В этом деле я не советчик, — вздохнула няня. — Далека от этого.

— Ладно. Придётся самой в разведку пойти. Завтра погуляю по Москве да загляну в парочку заведений, посмотрю, — вдохновилась я идеей, может, что и выйдет. — Заодно в лавку канцелярских товаров зайду, выберу инструменты и бумагу. Любая одежда начинается с эскиза, а потом только крой и пошив.

— Одна собралась гулять? — ахнула Аглая, присев на табурет. — Не дело дворянке в одиночестве по лавкам ходить. Провожатого надобно.

— Нянюшка, не волнуйся, ничего страшного не случится, — насторожил меня её тон. — Я не кисейная барышня.

— Ох, не понимаешь ничего, — покачала она головой. — Ежели дворянка одна гуляет, люди могут посчитать её за содержанку.

— Да? — ответ меня удивил. — Только ты забыла, что честь Марии так пострадала, что ниже падать некуда. Не будешь же ты везде ходить со мной, у тебя забот и так хватает.

— Твоя правда, — вздохнула няня. — Скоро обедать будем.

— Нужно присмотреть комнату для Мирона, — вспомнила я о том, что обещала новому работнику собственный угол.

— Окстись, я сама всё сделаю после обеда, — осадила меня Аглая. — Рядом с моей комнатой поселю, там раньше повариха жила с мужем. Комнатушка небольшая, но как раз нашему Миرونу хватит.

— Хорошо, я тогда пойду поищу тюль в зал, помогу Настасье с уборкой.

— Сильно не увлекайтесь, скоро обед, — ласково произнесла Аглая, когда я выходила из кухни.

Тюль и ламбрекены в тон я нашла в гардеробной, как и предполагала. Я пощупала белую лёгкую ткань, убедившись, что это смесь хлопка и шёлка, наверное муслин. Ткань слегка помялась, но надеюсь, повисит и выпрямится. Я попросила Мирона принести какую-нибудь лестницу в зал, и он нашёл деревянную стремянку. Мы с Настасьей повесили шторы на уже имеющиеся карнизы. Получилось красиво — обрамлённые тюлем окна по-прежнему пропускали много света, но комната преобразилась, стало уютнее.

Пока мы занимались шторами, Аглая не раз звала нас на обед. Ели мы на кухне все за одним столом. Столовую нужно ещё в порядок приводить, чем мы и занялись с Настасьей после простого, но вкусного обеда. Умеет Аглая готовить не хуже профессиональной поварихи.

Ближе к вечеру я отпустила помощницу домой, она пообещала прийти завтра. Правда, деньги категорически отказалась брать, сказав, что барин ей уже заплатил. А потом пришло время баньки. Я, конечно, не парилась, в моём поло-

жении это небезопасно, но помылась с удовольствием. Шампуня и бальзама для волос мне будет очень не хватать. Аглая сделала для меня средство из яйца, взбив его и разбавив немного водой. Ополаскивала я волосы отваром крапивы, которая росла в саду. Хорошо хоть мыло в это время делали уже хорошее и ароматное. Я взяла кусок из запасов Марии, которые лежали в несессере.

Мирон прямо преобразился после того, как отмылся в бане. Аглая ещё подстригла ему бороду и волосы. Одежда барина мужику была немного широка, как я и предполагала, но по росту подошла, уже хорошо. Сапоги тоже оказались чуть великоваты, зато работник мой был доволен всем. Я даже разглядела улыбку на его губах. От благодарности он начал мне кланяться в пояс, бубня: «Пасибо».

Засыпала я уже без сил. Проваливаясь в сон, думала о том, как завтра буду гулять по московским улицам. Не терпелось посмотреть, в чём ходят официанты, лакеи, горничные и прочие люди, обслуживающие богатых посетителей и гостей.

А ночью мне приснилась Анечка. Она одна сидела у окошка, смотря на сад, словно ждала кого-то, и тихо плакала, еле шевеля губами:

— Ма-ма, ма-ма...

Глава 15. Ресторан «Яръ»

Глава 15. Ресторан «Яръ»

Проснувшись, я долго думала об Анечке. Хотелось увидеть её, успокоить, прижав к груди. Может, суд всё-таки разрешит мне видаться с ней хотя бы раз в две недели? Я уверена, девочка очень скучает по маме. Мой долг перед Марией — заботиться о её дочери, и я обязательно добьюсь права видаться с Анечкой.

Я рассматривала себя в большом напольном зеркале. Платье сегодня выбрала скромного бежевого цвета, чтобы не бросалось в глаза прохожим. Хотя вряд ли я сойду за мещанку — внешность у меня всё же не крестьянки, а столбовой дворянки. Да и платьев попроще в моём гардеробе не имеется.

Спустившись в малую гостиную, где после завтрака Настасья и Аглая уже трудились вовсю, наводя порядок, я покрутилась перед женщинами.

— Ну как я вам? — поправила я шаль на плечах.

— Красавица, — улыбнулась по-доброму нянюшка. — Собралась по Москве прогуляться?

— Да, по делу нужно, — кивнула я. — Надеюсь, часика через два вернусь. Может, что купить нужно из продуктов? Хлеба?

— А возьми каравай. Завтра купим мешок муки, я заквас-

ку пока сделаю, будем сами хлеб печь.

— Хорошо, я пошла тогда, — и, развернувшись, вышла из гостиной.

Погода обещала быть тёплой, дождя не предвиделось. Лёгкие облака плыли по голубому небу. Ботиночки на моих ногах мягко ступали по мостовой, удобные, в самый раз для пешей прогулки. Мой новый дом находится недалеко от центральных улиц Москвы. Помнится, Кузнецкий Мост где-то рядом.

По пути мне встречались различные заведения общепита для непретенциозной публики, но они меня не интересовали. Только когда я вышла на Кузнецкий Мост, увидела дорогой ресторан французской кухни. «Ярь». Двухэтажное здание с большими окнами, за которыми висели богатые шторы, скрывая посетителей за белым плотным тюлем. Что ж, посмотрим на местный персонал.

У входа меня встретил швейцар, открыв передо мной дверь. Правда, сначала прищурился подозрительно, окинув мой наряд пристальным взглядом. Я в свою очередь пригляделась к его форме — сюртук, похожий на мундир. Время приближалось к обеду, но клиентов в зале было ещё мало.

— Добрый день, сударыня, — ко мне подошёл мужчина средних лет в чёрном костюме и белой рубашке — метрдотель ресторана. — Желаете отобедать?

— У меня назначена встреча, — гордо вскинула я подбородок. — Куда я могу присесть?

— Пожалуйста сюда, — он указал мне вглубь зала подальше от окон. Спасибо, что не выгнал.

Просторный зал был поделен на несколько зон: для клиентов и столики для гостей попроще. Живые деревья в кадках, тяжелые люстры, бронзовые подсвечники — всё гармонично вписывалось в дорогой интерьер ресторана. Даже небольшая сцена имелаась в торце зала, но сейчас красный занавес скрывал её.

Метрдотель усадил меня за небольшой столик с белой накрахмаленной скатертью. Ко мне тут же подошёл официант, мужчина лет тридцати с ранними залысинами у лба.

— Чего изволите, сударыня? — улыбнулся он.

— Пока только чай, я жду родственницу, — уверенно ответила я. — Когда она придёт, что-нибудь закажем.

— Как скажете, сударыня, — улыбка сразу исчезла с его лица, и мужчина ушёл исполнять мой заказ. Зато я успела разглядеть его форму. Точнее, это были обычный чёрный пиджак, белая рубашка и брюки, которые скрывал длинный белый передник.

Пока я делала вид, что скучаю в ожидании несуществующей родственницы, разглядывала работников ресторана. Это были исключительно мужчины разных возрастов, но не слишком молодые. Всё же заведение не из дешёвых, и, наверное, хозяин брал на работу опытных официантов. Одежда на них отличалась покроем, хоть и была одного цвета. Мне сразу это бросилось в глаза. Видимо, форму официан-

ты покупают себе сами. Значит, можно попробовать сделать деловое предложение хозяину ресторана. И не только этого. В голове сразу закрутились различные образы статных официантов в одинаковой элегантной форме с идеальной посадкой по фигуре. Приду домой, сделаю первые наброски, подготовлю эскизы.

Официант появился быстро. Он принёс фарфоровые чашку, сахарницу и небольшой чайник, из носика которого шёл пар и приятный аромат. Я сразу расплатилась, чтобы можно было уйти в любой момент, ведь несуществующая родственница точно не придёт.

Я ещё немного посидела, наблюдая за работой персонала. Гости начали прибывать, подошло время обеда. Пора и мне честь знать. Только я встала из-за стола, как в зал вошло трое мужчин, громко и весело разговаривая.

— Прошу, Ваше Сиятельство, ваш столик готов, — шаркивался метрдотель перед клиентами. — Сегодня у нас отборная свежая телятина с трюфелями.

— Отлично, Тимофей Иванович, — прогремел знакомый голос, и я застыла на месте. — Отобедаем на славу.

Сердце сжалось, по коже побежали холодные мурашки, когда я узнала гостя ресторана в дорогом костюме. Высокий статный мужчина с тёмными волосами — именно он обвинял меня в измене, когда я очнулась в зале суда.

Я спряталась за кадку с пышным фикусом, чтобы князь меня не заметил. Дождалась, когда Воронцов и компания

усядутся за столиком возле окна. Видимо, они нередко посещают данный ресторан, являясь вип-гостями. Два официанта сразу принялись их обхаживать — один принимал заказ, второй уже торопился с подносом, на котором стояли фарфоровый чайник и чашки.

Как назло, князь сел лицом к выходу. Не готова я к неожиданной встрече. Платье на мне довольно простое, обычная коса вместо затейливой причёски и скромная соломенная шляпка. Если уж и видеться с бывшим мужем, то только во всеоружии, с гордо поднятой головой.

Уличив момент, пока официанты суетились возле дорогих клиентов, я тихонько вышла из своего укрытия и, не глядя в сторону компании Воронцова, степенно пошла к выходу, не привлекая к себе внимания. Осталось пройти совсем немного, и я покину заведение.

— Графиня Ивелич, что вы тут делаете? — удивлённо-возмущённый баритон прогремел на весь зал так, что у меня чуть сердце не остановилось. Я замерла всего лишь на мгновение, даже не обернулась и продолжила свой путь к выходу.

— Мари, не делайте вид, что не слышали меня, — суровый голос раздался прямо за спиной, и я обернулась.

Сердце ухнуло в пятки от пронзительного взгляда синих глаз князя. Я невольно выпрямила спину и приподняла подбородок, чтобы так же открыто смотреть ему в лицо. Быстро же он отреагировал, догнав меня.

— Я повторяю вопрос. Что вы тут делаете? — отчеканил он, стоя в паре шагов от меня. — Следите за мной?

Я чуть не фыркнула от возмущения, но усилием воли сохранила невозмутимое выражение лица.

— Вы слишком подозрительны, князь Воронцов, — спокойно ответила я. — Думаете, мне больше заняться нечем, как следить за вами?

— Только не говорите, что зашли сюда попить чаю, — ухмыльнулся наглец. — Предупреждаю сразу, денег больше не дам в этом месяце. Привыкайте экономить, Мари.

У меня даже зубы закрипели от злости. Каков нахал!

— Не беспокойтесь, Ваше Сиятельство, вашей подачки мне вполне хватит, — я не удержалась и натянуто улыбнулась.

— Подачки? — уголок его рта нервно дёрнулся, и мужчина шагнул вперёд.

Я вдруг вспомнила наказ проводника и в страхе отшатнулась от Воронцова. Только бы он не коснулся меня.

— Думаете, заслуживаете большего, Мари?

— Могли хотя бы дом моего отца привести в порядок после того, как устроили там склад, — процедила я, смотря в омут синих глаз. Вот точно колдовские. — Мы с Аглаей уже третий день не можем отмыть комнаты.

— Что? — его брови сдвинулись к переносице. — Хотите сказать, что в доме остался бардак?

— Бардак это ещё мягко сказано, — фыркнула я. — Спа-

сибо, что крыша и стены целы.

— Погодите, Мари. Василий отчитался передо мной, что дом освободили от товара и рабочие навели там порядок, — подозрительно посмотрел на меня князь.

— И вы поверили этому прохожему на слово, — покачала я головой. — Не думала, что вы такой настолько простодушный, князь.

Он молча смотрел на меня, поджав губы в тонкую линию. Нужно заканчивать этот разговор, но всё же я кое-что выскажу ему.

— Вы, конечно, считаете меня падшей женщиной и недостойной того, чтобы жить со мной под одной крышей, — уверенно начала я свою речь, не отводя взора от мужчины. — Но вы не можете запретить Анечке любить меня. Знаю, ей плохо без меня, она скучает и плачет. Неужели вы такой бесчувственный, что не пожалеете дочь? Я мать и имею право видеться со своим ребёнком. Разрешите мне навещать Анечку хотя бы под вашим присмотром.

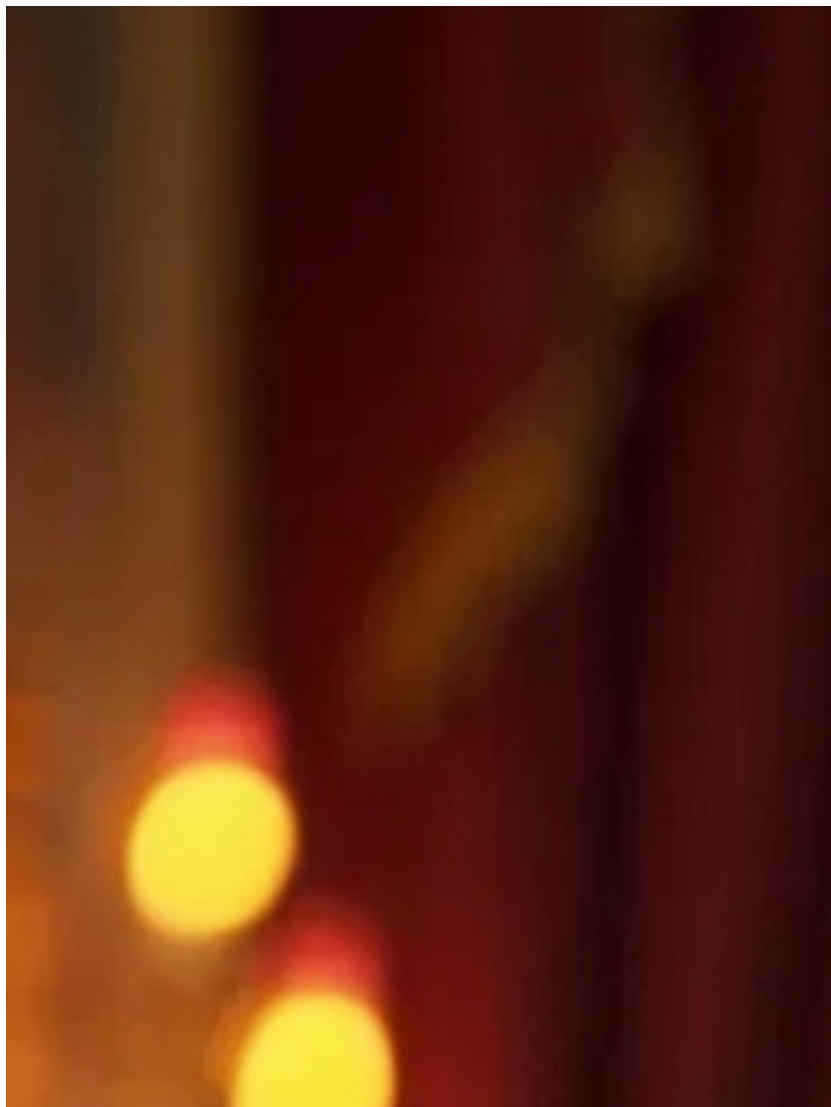
— Позвольте вам напомнить, Мари, что Духовный суд запретил вам видеться с дочерью, — процедил князь сквозь зубы. На его красивом лице зашевелились желваки, и у виска вздулась венка.

— Значит, я буду ждать результата апелляции, которую подал Фёдор Михайлович. И не думайте, что меня остановит очередной запрет суда. Я снова и снова буду подавать заявление, пока не получу право видеться с Анечкой, — упрямо

отчеканила я. — Всего доброго, Ваше Сиятельство.

Лицо князя вытянулось, а в глазах читалось недоумение. Видимо, моя речь произвела на него должное впечатление. Не дожидаясь ответной реплики, я развернулась и пошла к выходу. Сердце бешено билось в груди, кровь кипела в венах, даже руки горели от волнения. Слава богу, встреча вышла без последствий. Если бы князь поддался чувству гнева и схватил меня за руку, не знаю, чем бы закончился наш разговор. Лучше держаться от бывшего мужа подальше.

Выйдя на улицу, я перевела дух, успокаивая ритм сердца. Моя ознакомительная прогулка ещё не окончена.

Глава 16. Подарок

Глава 16. Подарок

Встреча с князем слегка вывела меня из душевного равновесия, но я всё же прошла ещё по нескольким солидным заведениям, рассматривая одежду персонала. На этот раз я не стала заказывать чай, а то никаких денег не хватит. Просто заходила в ресторан и включала дурочку, мол, меня ждут на обед. Окидывала взглядом зал, примечая что нужно, и затем охая спохватывалась, что ошиблась с названием ресторана. Во всех заведениях наблюдалась одна и та же картина с униформой — каждый работник сам приобретал себе костюм по средствам.

Довольная своей прогулкой-разведкой, я зашла в булочную, купила хлеб, потом в лавку канцелярских принадлежностей. Цены на хорошую бумагу здорово кусались, а дешёвая была бежевого цвета с примесью каких-то волокон — то ли соломы, то ли древесной стружки. Я решила пока не спешить с покупкой бумаги, а поискать её в кабинете отца Марии. Но всё же не оставила торговца без выручки, купила несколько хороших карандашей и метровую чертёжную линейку для раскроя.

Только после этого я вернулась домой, нагуляв хороший аппетит. Я сидела на кухне, уплетая картофельную похлёбку, и попутно рассказывала Аглае, как встретилась с Ворон-

цовым.

— Ох, Маша, не надо было с ним вообще разговаривать, — вздохнула нянюшка, садясь напротив меня. — Кабы не заподозрил князь чего. Мария ведь совсем не такая была, как ты, смелая и горячая. Она мужа любила и слушалась его во всём, слова поперёк не говорила. Считала князя своей опорой и защитой, ведь он хозяин и всё на нём держится. Хотя домом заправляла Наталья, считая себя хозяйкой.

— А какие отношения были у Марии и Натальи? Ладили они? — мне бы не понравилось, если бы сестра мужа задвинула меня на второй план.

— Как сказать, — пожала плечами Аглая, — толковали они друг с другом спокойно и вежливо, но Наталья всегда держалась особняком от Марии. Подругами они так и не стали, хотя Машенька первое время старалась сблизиться с золовкой. Та ведь двоих мужей схоронить успела к своим годам. Продала наследство вдове да брату отдала, чтобы тот фабрику купил. Теперь живёт в его доме и заправляет всем хозяйством. Машенька жалела Наталью, считала, что золовке тяжёлая доля досталась: ни мужей живых, ни детей нарожать не успела.

— Понятно. Значит, конфликтов у Марии с сестрой князя не было? — решила я уточнить.

— Нет. Хотя порой Машенька обижалась на Наталью за то, что та не считалась с её мнением, но молчала. Она у меня спокойная была, на рожон никогда не лезла.

Теперь понятно, почему так удивился князь, когда я выдала свою речь об Анечке. Он привык к покорной и молчаливой жене. Ничего, пусть смирится с тем, что Мария уже не та молчаливая овечка, что была раньше. Стресс и развод сделали из неё другого человека, точнее раскрыли её потенциал. А вот рассказ о сестре князя меня насторожил. Прямо чёрная вдова какая-то.

После того как я пообедала, пошла помогать Аглае и Настасье наводить порядок в столовой и гостиной. Комнаты преобразились: повесили шторы на окна, из кабинета бывшего хозяина принесли чайный столик и стулья. Мирон сумел притащить небольшую софу и ковёр, который женщины сначала вытрясли во дворе.

Я забрала из кабинета старого графа красивые фарфоровые вазы и поставила их на каминную полку. Завтра поищу цветы в саду, вроде росли там остатки былой роскоши. Не хватало только картин на стене, надеюсь, мы до них ещё просто не добрались. Тяжёлую мебель — диван, комод, секретер и рояль — пока не стали трогать, решили подождать до завтра. Фёдор Михайлович обещал прислать работников, вот пусть они и помогут.

Вестибюль тоже очистили от пыли и грязи. Мирон залатал дыры в паркете, который прикрыли ковриками. Дом потихоньку преобразался. Хорошо, что летом световой день длинный, многое успели сделать.

Когда начало смеркаться, няня отправила меня отдыхать.

Отлично поработали, но спать пока не хотелось. Я отправилась в кабинет бывшего хозяина, взяв с собой подсвечник. Часть мебели отсюда вынесли, и я смогла подойти к дубовому письменному столу, обитому зелёным сукном. Посмотрим, есть ли запас бумаги в ящиках.

Бумаги нашлись, но уже исписанные чернилами. Я не стала вчитываться в записи и продолжила поиски. Нашла книги учёта хозяйственной деятельности, какие-то старые счета, перья для письма, перочинные ножи, пустые чернильницы разных форм — в общем, ничего нужного. Затем огляделась и увидела рядом небольшую конторку. Если за ней граф писал письма, то, скорее всего, в узком ящике под столешницей как раз лежат искомые бумаги. Нужно было только обойти комод, который стоял между столами, что я осторожно и сделала.

Радости не было предела, когда я действительно нашла чистые листы, плотные, почти белые, хорошего качества. То что надо! Я вытащила свою находку из ящика и вдруг заметила на дне жёлтый конверт, запечатанный сургучом. Не знаю, чем привлекло меня это письмо, но я взяла его в руки. Внутри лежал какой-то небольшой, но вполне увесистый предмет. Адресатом был указан граф Ивелич Павел Николаевич. Странно, что письмо запечатано, наверное, пришло уже после смерти графа. Имя отправителя София Ивелич — от родственницы, значит.

Я решилась и содрала сургуч. Из конверта выпал натель-

ный крестик, сантиметров семь высотой, золотой, украшенный мелкими камушками, похожими на бриллианты. Сквозь ушко на вершине креста была продета золотая цепочка. Красивая и дорогая вещь. Интересно, что написано в послании.

Текст пришлось разбирать долго, так как написан он был на странном языке, похожим на русский. Я предположила, что это сербский, судя по фамилии графа. Поняла только, что писала его сестра, у которой начались серьёзные проблемы со здоровьем. Она прислала крест на память и просила его передать Марии, якобы он «избавити от неволя» — избавит от невзгод, наверное. А вот что означает «даће снагу», я так и не поняла.

В общем, крест бывшая хозяйка назвала чем-то вроде оберега, и я решила повесить его на шею. Странно, что у Марии не оказалось нательного крестика. Думала, она, как и большинство людей этого времени, верующая и крещённая. Я перекрестилась и повесила цепочку на шею, спрятав крестик за ворот платья. Взяв бумаги, вышла из кабинета.

— Ты чего не спишь ещё? — В вестибюле я наткнулась на Аглаю.

— Да вот, бумагу хорошую искала, — подняла я руку с листами. — Но нашла кое-что интересное. Смотри, — и вытащила крестик, — обнаружила его в письме для Павла Николаевича. Кажется, родная тётя Марии просила передать крестик племяннице. Я решила его надеть. Может, зря?

— А разве креста на тебе нет? — удивилась Аглая, поняв,

что я ходила всё это время без него.

— Нет, вообще никаких украшений на мне не было, когда я очнулась в больнице.

— Машенька носила крестик, который отец ей подарил в детстве ещё. С тех пор она практически не снимала его, — тяжело вздохнула Аглая. — Куда же он делся?

— Понятия не имею, — пожала я плечами.

— Носи тогда этот. Без креста нельзя, — вздохнула нянюшка. — Вот господь и не смог уберечь мою Машеньку, без креста-то.

Понурая Аглая отвернулась и тяжёлой походкой зашагала в сторону кухни.

Нянюшка, конечно, человек верующий и суеверный, но не думаю, что присутствие крестика на теле Марии спасло бы её от отравления.

Глава 17. Работа кипит

Глава 17. Работа кипит

Как это часто со мной бывает, я не могла уснуть, пока не перенесла свои идеи на бумагу. Время за любимым делом пролетело незаметно, за окном уже светало, а на столе остались только маленький огарок вместо свечи. Я создала множество эскизов, потом выбрала несколько самых удачных и довела их до ума. У меня получилось шесть моделей костюма для официанта, столько же для метрдотеля и три для швейцара. Не забыла и про повара, сделала два варианта на всякий случай.

Все модели соответствовали стилю времени, но я добавила некоторые детали кроя, такие как нарукавники, чтобы защитить белые рубашки от пятен. Где-то предложила отделку в виде застёжки-клевант из шнура. Душа требовала придумать что-то необычное и совершенно новое, но я понимала все риски и ограничилась покроем и отделкой.

Довольная результатом, наконец-то легла в кровать. Я очень устала, до рези в глазах — это не дело, конечно, сидеть за работой всю ночь. Но если бы я этого не сделала, то мысли не дали бы мне покоя. В любом случае не выспалась бы. Завтра после обеда снова пойду в рестораны, которые вчера посетила, с деловым предложением управляющим, а желательно самим владельцам. Распишу все преимущества еди-

ной униформы, пообещаю скидку — даже в девятнадцатом веке не обойтись без маркетинга. Уснула я моментально, на этот раз без снов.

Аглая разбудила меня, когда солнце за окном уже светило вовсю.

— И чего же ты делала всю ночь? — она разглядывала эскизы, которые я оставила на столе. — Я уж беспокоиться начала, что тебя всё нет. Мы с Мироном на рынок собрались идти за мукой да картошкой. Тебя ждём.

— Прости, нянюшка, не могла уснуть, пока не сделала эскизы, — потянулась я, зевая. — Под утро только уснула.

— Интересно у тебя получилось, — хмыкнула она и повернулась ко мне. — Ох и не бережёшь ты себя, Маша. Спать ночью надо.

— Честно обещаю, что больше так не буду, — улыбнулась я.

— Собирайся скорее, а то скоро полдень. Успеть надо до обеда, — покачала головой Аглая. — Помочь тебе?

— Спасибо, сама справлюсь, — я поднялась и отправилась в уборную.

Вскорости я спустилась вниз. Покормила сначала Маркизу, приласкала её, а потом сама позавтракала. Настасья снова пришла помогать нам. Она с охотой принялась за работу в библиотеке.

Погода сегодня радовала, было тепло и солнечно. Сходили на рынок, купили мешок картошки и муки. Зашли в лавку

мясника за свежей курицей. Хотя какое, а мясо нужно есть, и Маркизе заодно что-нибудь достанется. Пришлось нанимать телегу, чтобы отвезти покупки домой. Мирон хоть и жилистый, но точно не осилит дотащить один мешок, не говоря уже о двух. Я даже хотела поехать вместе с ними на телеге, но Аглая меня отговорила. «Не дело барыне ехать как крестьянке. Да и как бы не растрясло тебя», — намекнула нянюшка на моё положение. И то верно, телега не карета, ресурс на ней нет.

Вернулась я домой пешком, одна. Подойдя к открытым воротам, очень удивилась бурной деятельности во дворе. Какие-то мужики шустро возили на тачках дрова из сваленной возле ворот кучи. Двое косили траву во дворе, махая литовками. Наверное, это нанятые адвокатом люди пришли помочь. Только я не понимаю, откуда дрова взялись. Фёдор Михайлович, кажется, ничего про это не говорил.

— Вот и Мария Павловна пришла, — засуетилась нянюшка, как только я вошла в дом. — Работнички явились, ждут указаний, какую мебель куда нести и ставить.

Она указала на четырёх мужчин, ожидающих в холле.

— Здравствуйте, — обратилась я к ним, попутно снимая шляпку. — Вы от Фёдора Михайловича?

Работники сначала переглянулись между собой, и самый старший кивнул:

— Так точно, барыня. Ждём ваших указаний.

— Хорошо, пойдёмте, покажу, что куда отнести, — на-

правилась я в сторону кабинета и курительной комнаты, где хранилась мебель.

Ноши на самом деле оказалось немного, работники справились за час. Диван, кресла и комод передвинули в гостиную. Длинный обеденный стол, который был слишком громоздким для столовой, да и ни к чему он там, поставили в зале. На нём удобно будет кроить одежду. Пару столиков расположили возле окон — самое место для швейных машинок.

Из малой гостиной, которая прилегала к залу, я решила сделать примерочную. Большое напольное зеркало пришлось кстати для этой комнаты. И ещё я организовала уголок для приёма клиентов: софа, пара кресел и столик, на котором разложу журналы мод и альбомы со своими эскизами. Немного декора, и здесь станет уютно.

Когда с мебелью было покончено, я проводила работников во двор.

— Может, ещё чего надобно сделать, барыня? Вы только скажите, — посмотрел на меня старший. Видимо, он всеми управлял как прораб.

— Благодарю, вы и так нам очень помогли. Сколько я вам должна? — спросила я на всякий случай, хотя надеялась на безвозмездную помощь адвоката.

— Ничего. Всё уплачено, не переживайте, барыня, — поклонился мужик.

Дрова работники тоже успели снести в сарай, даже щепки подмели. Траву возле дома скосили, только не тронули

клумбы, где виднелись кусты пионов, которые набрали уже цвет. Красота, да и только. Я ещё раз поблагодарила мужчин, и они покинули двор. Пора перекусить и собираться по делам.

На это раз я надела более презентабельный наряд — побольше нижних юбок, чтобы платье было пышным, дорогую шляпку с искусственными цветами. Сложила эскизы в картонную папку, завязав тесьму. С богом!

На лестнице я услышала шум из вестибюля. Незнакомые мужчины разговаривали с удивлённой Аглаей.

— Что случилось? — обратилась я к нянюшке, спускаясь с лестницы. Двое мужчин в крестьянской одежде стояли в холле, держа шапки в руках. Увидев меня, они разом поклонились.

— Да вот, пришли работники, сказали, их Фёдор Михайлович прислал, — недоуменно смотрела на меня Аглая. — А им говорю, что только что всё сделали дружки их. Опоздали они.

— Да не дружки они нам, — возмутился коренастый мужичок. — Барыня, двоих нас только Фёдор Михайлович отправил вам на подмогу. Больше никого.

— Никого? — переспросила я. — А от кого же тогда приходили работники?

— Почём мне ведомо, — пожал он плечами. — Нам-то что делать?

— Спасибо, но уже ничего не нужно, — растерялась я. —

Можете идти.

— Коли так, пошли, Ефим, — мужик толкнул высокого товарища. — Всего доброго, барыня.

— И вам того же, — кивнула я, наблюдая, как неугодные работники покинули дом.

— Как это понимать? — приподняла брови Аглая, смотря на меня. — Кто же тогда тех мужиков прислал?

— Не знаю, но есть догадка, что это князь Воронцов постарался. — Других вариантов у меня не было, особенно после вчерашней встречи с ним, когда я высказала претензию насчёт дома.

— Очень странно, но он может, — фыркнула няня. — Ладно, айда. Будешь теперь обедать, как полагается хозяйке.

Мы вошли в столовую, и няня усадила меня за небольшой стол. На белой скатерти стояли приборы и фарфоровая посуда на одну персону.

— Что это? — нахмурилась я, понимая, что меня теперь выгнали из кухни. — Предлагаешь мне одной тут сидеть и давиться обедом?

— Почему сразу давиться? — обиделась няня. — Я плохо готовлю?

— Дело не в этом. Ты замечательно готовишь, — улыбнулась я женщине. — Но сидеть в гордом одиночестве не хочу, аппетит пропадёт сразу, а мне питаться нужно за двоих.

— Собралась с чернью на кухне есть? — недоумевала нянюшка.

— Прекрати так себя называть, — вздохнула я. — Ты свободный человек, Аглая. Жалованья я тебе не плачу, да и ты сама бы не взяла с меня денег.

— Даже не думай предлагать, а то обижусь, — поджала губы женщина.

— Вот видишь, — я встала из-за стола и осторожно обняла нянюшку. — Ты была для Марии почти родным человеком, а для меня ты опора, соратница, которая никогда не предаст. Я хочу, чтобы мы доверяли друг другу, а не возводили стену отчуждения.

— Ох и наговорила-то, — всхлипнула Аглая, её глаза заблестели от непрошенной влаги. — Ежели хочешь, можешь есть с нами на кухне. Я не буду против. У меня ведь никого не осталось, кроме тебя. Вот дитя родится, и я стану самой счастливой.

— У меня тоже никого нет, кроме тебя, Аглая, — вздохнула я, а потом улыбнулась. — Чем кормить-то будешь? Проголодалась жутко.

После обеда я отправилась в город, прихватив папку с эскизами. Нянюшка меня осенила крестом и пробормотала благословение, пожелав удачи.

Я сама жутко волновалась, но вспомнив, как защищала курсовую на кафедре, поверила в свои силы. У меня должно всё получиться. Обязательно!

Первым делом я направилась на Кузнецкий Мост, попытать счастья в том самом ресторане, где встретила Воронцо-

ва. Время обеда прошло, надеюсь, князя там уже нет, если вдруг он снова там трапезничал. Однако на всякий случай я надела белые перчатки из плотного кружева — лишними точно не будут.

— Добрый день, мадам, — поклонился мне вчерашний метрдотель, как только я вошла в ресторан. Да, сегодня я выглядела как богатая дворянка. Он широко улыбался, подумав, что перед ним клиентка. — Вас ожидают или вы...

— Я к управляющему. Он на месте? — не дала я договорить мужчине. — А может быть, сам хозяин меня примет?

— Э-э-э... да, сударыня, — оторопел метрдотель. — Месье Ярд как раз недавно прибыл.

— Отлично. Скажите месье, что графиня Ивелич просит аудиенции по личному делу, — уверенно произнесла я, продолжая открыто улыбаться. Вот удача!

Арты для главы 17.

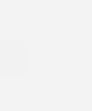
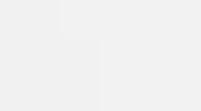
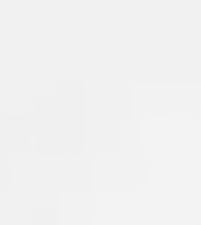
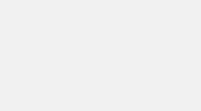
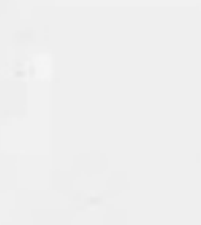
Решила отдельной главой сделать арты, так как их много.

Сначала визуал Марии, перед тем, как войти в ресторан

И парочка эскизов, которые я сгенерировала в нейросети. Хотелось бы другой стиль рисунка, но что-то Лексика никак меня не могла понять, поэтому выбрала из того, что получилось.

The first part of the paper discusses the importance of understanding the cultural context of the research. It highlights the need for researchers to be sensitive to the values and beliefs of the communities they are studying. This is particularly important in the field of education, where cultural differences can significantly impact learning outcomes. The paper then moves on to discuss the challenges of conducting research in diverse cultural settings. It notes that researchers often face difficulties in establishing rapport with participants and in interpreting their responses. To address these challenges, the paper suggests several strategies, including the use of local researchers and the development of culturally appropriate research instruments. The final part of the paper discusses the importance of ethical considerations in cross-cultural research. It emphasizes the need for researchers to obtain informed consent from participants and to ensure that their research does not cause harm to the communities being studied.

Глава 18. Попытка

Глава 18. Попытка

Метрдотель повёл меня по узкому коридору в сторону кухни, откуда тянулись умопомрачительные запахи мясных блюд, даже слюна во рту образовалась. Всё же беременность берёт своё — появилось дикое желание вонзить зубы в сочный бифштекс. Подавив в себе разыгравшейся вдруг аппетит, я перешагнула порог кабинета, двери которого открыл метрдотель.

— Месье Ярд, графиня Ивелич, — представил он меня и быстро удалился.

— Bonjour madame, — из-за письменного стола поднялся невысокий мужчина солидного возраста и указал на пустой стул. — S'il vous plaît.

— И вам доброго дня, месье Ярд, — улыбнулась я и сильнее сжала папку в руках, присаживаясь. Француз вернулся на рабочее место за столом.

— По какому вопросу, мадам Ивелич? — он не запомнил мою фамилию и, картавя, произнес её на свой лад.

— Месье Ярд, я к вам с деловым предложением. Но сначала хочу выразить своё восхищение вашим рестораном, — начала я издалека, чтобы умаслить тщеславие владельца. — У вас прекрасная кухня, отменный вкус...

— Мадам, у меня мало времени, — перебил меня фран-

цуз, намекая, что стоит поторопиться. Говорил он с акцентом.

— Мне практически всё нравится в вашем заведении, но у него есть один существенный минус, — и я выдержала небольшую паузу.

— Какой? — он сдвинул брови, слегка нервничая, даже подался чуть вперёд.

— Ваши официанты. Они все одеты вразнобой: кто в чёрном жилете из сукна, кто в тёмно-сером из саржи, передники разной длины, даже брюки и рубашки отличаются фасонами. Смотрятся так, будто вы их наняли прямо из придорожного трактира, — я старалась выбрать убедительное сравнение, но в тоже время не оскорбить Ярда. — А ведь у вас приличное заведение, не каждый позволит себе обед в вашем ресторане.

— И что? Они сами покупать себе одежду, — хмыкнул мужчина. — Так делать вся Москва.

— Вот пусть и делают. Зато ваше заведение будет уникально во всём: не только отменная кухня и дорогой интерьер, но и персонал в одинаковой униформе, с уровнем обслуживания европейской столицы, — выдала я пламенную речь. — Хочу показать вам эскизы подобной одежды, специально разработанные мной для вашего ресторана.

Не дав французу и рта раскрыть, я положила на стол папку и распахнула её.

— Представьте только — ваши официанты одеты в этот костюм, — продолжила я, пока Ярд находился в растерянно-

сти от моей напора. — Английское сукно прекрасного качества цвета лондонского дыма, вкупе с белоснежными рубашками и передниками из тонкого поплина. А вот тут, смотрите, интересная застёжка-клевант, нарукавники будут защищать от случайных пятен от еды. Также можно сделать вышивку эмблемы вашего ресторана...

— *Assez, madame*(1), — перебил меня француз, скорчив недовольную гримасу. — Я понять, что вы хотите. *Excusez-moi*. Меня не интересовать ваши рисунки. Я не желать тратить деньги на одежду *pour les serveurs*.

— Но почему? Ведь это же престижно и статусно, — не хотела я сдаваться. — Униформа будет выделять ваше заведение среди конкурентов.

— *Madame Ively, merci pour l'offre*(2), — и мужчина недвусмысленно указал мне на дверь. Вот как, значит.

— Благодарю, месье Ярд, что уделили мне время, — с трудом улыбнулась я, закрывая папку с эскизами.

Конечно, я была готова к отказу, но всё равно расстроилась. Выйдя на улицу, вдохнула полной грудью. Ничего, впереди меня ждут ещё пять заведений. Гордо подняв голову, я направилась к следующему ресторану на Кузнецком Мосту.

— Нет, сударыня, извините.

— Не думаю, что это заинтересует месье Лерье.

— Я продаю ресторан, сударыня.

— Интересная задумка, но нет, мадам.

— *Merci pour l'offre. Excusez-moi*, — снова и снова слы-

шала я от управляющих или самих владельцев.

Когда я получила шестой отказ, уверенность в том, что моя идея хороша, покинула меня. Никто не желал тратить деньги на персонал. Зачем? Ведь халдеи сами покупают себе одежду.

Причём я узнала, что даже как таковой зарплаты у них нет. Весь их доход это ще чаевые, а временами хитрости и жульничество. Управляющие напрямую говорили: «Они подкладывают пустые бутылки гостям, наживаясь, а я буду им ещё костюмы покупать?», «Эти бездельники только и знают, что обсчитывать пьяных клиентов». Наверняка с подачи самих хозяев творилось это безобразие. Так никто и не проникся моей идеей уникальной униформой в едином стиле.

В расстроенных чувствах я зашла в первую попавшуюся кофейню-кондитерскую, чтобы посидеть за столиком и спокойно всё обдумать, как делала я в прежней жизни. Милое недорогое заведение встретило приятными ароматами кофе и ванили. Я заказала чашку чая и плюшку — это всё, что могла себе позволить.

За маленьким столиком у окна я просидела почти час. Неудача меня расстроила, но опускать руки я не намерена. Буду думать, где ещё можно применить ткань, которая лежит в кладовой. Может быть, платья для учениц Мариинского училища? Ах, нет. Девиц обучают шитью, они сами могут сшить себе форму. Мужские учебные заведения точно

отпадают: ткани не хватит даже на один курс. И скорее всего, родители своим отпрыскам сами заказывают одежду у портных, где пошив поставлен на поток.

Неужели придётся сшить простую одежду для мещан и самой продавать её на рынке за копейки? Даже представила себя за прилавком, как я выкрикиваю: «Кому портки новые. Совсем недорого!» Проще тогда вообще продать рулоны в какую-нибудь лавку и забыть про них.

Обидно, из хорошего сукна вышли бы отличные костюмы, идеально сидящие на фигурах официантов. Взяв папку, я вышла на улицу. Пора идти домой, поплачусь в жилетку нянюшке и успокоюсь.

— Держи вора! — раздались крики и трель свистка.

Не успела и шагу ступить, как на меня налетел какой-то мальчишка, убегая от двух полицейских. Я чуть не упала, но каким-то чудом устояла на ногах. А вот папка моя вылетела из рук, грохнувшись на мостовую. Тесьма оторвалась, и мои эскизы разлетелись в стороны.

С ужасом я смотрела на них, представляя, как мою работу сейчас затопчут в пыль прохожие, а потом кинулась собирать валявшиеся листы, которые подхватывал ветерок, грозясь их унести ещё дальше.

— Стой, стой! — отчаянно хватала я рисунки, поднимая с земли.

Вдруг мужская рука в чёрной перчатке поймала лист, который улетал от меня, а потом меня подхватили за локоть,

удержав от следующего шага. Мимо пронеслась карета, запряжённая двойкой лошадей.

— Сударыня, осторожнее, вы чуть не выбежали на мостовую, — покачал головой молодой блондин. И я с ужасом поняла, что едва не попала под копыта лошадей. Если бы не он...

— Простите, — от страха я пялилась на своего спасителя, прижимая бумаги к груди. — Спасибо.

— Ничего, главное, я успел, — улыбнулся он, и в его карих глазах промелькнул интерес. — Ланской Дмитрий Васильевич.

— Мария Павловна Ивелич, — с трудом произнесла я своё имя, всё ещё пребывая в шоке. — Приятно познакомиться.

— И мне приятно, сударыня. Держите свой рисунок, — мужчина отпустил мой локоть и протянул эскиз. — Стоили эти бумаги того, чтобы попасть под колёса кареты?

— Конечно не стоили, — взялась я за край листа, — но свою работу жалко.

Вдруг Ланской передумал отдавать мне эскиз, удерживая его между пальцами.

— Как интересно. Что это? — приподнял он брови, разглядывая рисунок официанта.

— Униформа для персонала ресторации, — вздохнула я.

— Это вы нарисовали?

— Да. У меня подобных эскизов целая папка. Какой-то

мальчишка чуть не сбил меня с ног, и вот мои работы разлетелись по улице, — поджала я губы от досады.

— Для чего вы создали эти модели, Мария Павловна? — прищурился мужчина и отпустил наконец-то рисунок, посмотрев на меня.

— Хотела предложить владельцам ресторанов свои услуги по пошиву единой униформы для персонала, — вдруг разоткровенничалась я. — Но похоже, никому это не нужно в Москве. Все считают, что их работники обязаны сами себе покупать одежду. Уникальность нынче не в почёте.

— Любопытно, — задумался господин.

— Спасибо вам большое ещё раз, Дмитрий Васильевич, — склонила я голову. — Даже не знаю, как вас отблагодарить за своё спасение.

— Я был занят делами и не успел ещё отобедать. Составьте мне компанию, Мария Павловна, — на его лице засияла милая улыбка. — Заодно побеседуем о ваших эскизах. Признаться честно, они меня заинтересовали. Обговорим всё за столом.

От удивления у меня чуть челюсть не упала. Он не шутит?

— С превеликим удовольствием, Дмитрий Васильевич, — мне стало любопытно, что он скажет. Терять мне всё равно нечего, кроме времени, которого у меня предостаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.